

КАЙ МАЙЕР

ВРЕМЯ
Библиомантов

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

РОБИНС

Время библиомантов

Кай Майер

**Время библиомантов.
Противостояние**

«Робинс»

2015

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Майер К.

Время библиомантов. Противостояние / К. Майер — «Робинс»,
2015 — (Время библиомантов)

ISBN 978-5-4366-0430-5

«Вот уже несколько недель Фурия благоухала книжным ароматом: она была на верном пути превращения в первоклассную библиомантку». Всё глубже и глубже она погружается в магический мир библиомантики. Так ли он устроен, как начертано в «Книгах творения» Зибенштерна? Или давно уже живёт по своим законам и сам переписывает прошлое? Фурию и её друзей ждут самые неожиданные события, которые заставят волноваться даже закалённых читателей. Полёты на букбордах над Либрополисом, нашествие книжных пиявок, ночные убежища, парящие в невесомости, между страницами мира, книги, вызывающие привыкание, чернильные поганки, раскинувшие свои золотые сети в ожидании добычи... Похоже, противостояние начинается... Самый большой секрет библиомантики, о котором знают избранные и говорят лишь шёпотом, откроется только в самом конце.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-4366-0430-5

© Майер К., 2015
© Робинс, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвёртая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	28
Глава девятая	34
Глава десятая	38
Глава одиннадцатая	42
Глава двенадцатая	45
Глава тринадцатая	49
Глава четырнадцатая	53
Глава пятнадцатая	60
Часть вторая	63
Глава первая	63
Глава вторая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кай Майер
Время библиомантов
Противостояние

Трилогия
Книга вторая

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

Перевод с немецкого Милены Арутюновой при участии Петра Абрамова
Издание исправленное

Original published as: Kai Meyer «Die Seiten der Welt. Nachtland»
© 2015 by Kai Meyer For German edition © 2015 S. Fisher Verlag GmbH, Frankfurt am Main
© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2017

* * *

Часть первая

Форнакс

Глава первая

Вот уже несколько недель Фурия благоухала книжным ароматом: она была на верном пути превращения в первоклассную библиомантку. Её веснушчатая кожа пахла бумагой и переплётным клеем, от длинных светлых волос веяло типографской краской. Этот запах она полюбила ещё ребёнком, когда часто проводила время в залах, полных книг. Можно было подумать, что она впитала аромат своего окружения. Но нет: он исходил от её тела, как если бы она сама превращалась в фолиант.

Даже сейчас на улице она улавливала этот запах.

Всё выше и выше карабкалась она по низкому каменному отвесу, оставляя внизу узкие улочки Либрополиса. В городе сгинувших книжных лавок бесчисленные столбы дыма дорастали до самого серого неба и, словно плющи, уходили корнями в кирпичные трубы домов. Перед Фурией зияла трёхъярусная пропасть. Там, внизу, в гетто, через толпу чёрного рынка просачивались экслибры, выпавшие из разных сочинений.

– Ты точно сумеешь? – спросила Изида Пустота. В прошлом агент Адамантовой Академии, она стояла теперь на коленях бок о бок с Фурией и вглядывалась в переулок внизу.

– Саммербель меня здорово натаскала.

– Конечно, – в голосе Изиды послышались нотки пренебрежения, – Саммербель – блестящая библиомантка. Но всё может обернуться значительно хуже того, чего она нахлебалась в повстанческом лагере у братьев-бородачей, которых называют и братьями-бардами.

– Она утверждает обратное.

– Просто выпендривается.

Фурия взглянула на Изиду искоса:

– Я справлюсь, правда!

Изида скривила рот – в последние часы её мимика выдавала всё то же истощение, как и любое движение. В уголках глаз прорезались новые морщинки, по одной на каждый из шести месяцев, которые миновали со дня её поединка с Интригой. Её белокурые волосы были затянуты в тугой хвост, а волоски на руках стали почти прозрачными. Это была красивая женщина лет тридцати пяти, но в её чертах обозначилась преждевременно старящая её суровость, особенно после того, как она переметнулась на сторону противника и примкнула к движению сопротивления против Академии.

Вот и теперь в её взгляде читалась тревога. Очевидно, её мысли вращались вокруг того, что происходило в переулке внизу. Или, лучше сказать, вокруг того, чего там *не происходило*.

– Уже давно пора бы начать, – пробормотала она. – Что-то Финниан опаздывает.

– Пока не вылупятся пиявки, у него связаны руки, – возразила Фурия, нахмутив лоб. Ей казалось, она непременно должна взять Финниана под свою защиту после того, *что* он вынес за последние три месяца.

Hirudo librorum, пиявка книжная обыкновенная, является прожорливой родственницей книжного червя *Vermis librorum*, и горе той библиотеке, которую она изберёт для своей трапезы. Пару недель назад Финниан распространил несколько килограммов икры в комплексе зданий на противоположной стороне улицы, и сегодня как раз настал тот день, когда книжные пиявки должны были появиться на свет. Жизненный цикл этих микроскопических паразитов-однодневок можно было рассчитать до минуты, однако лишь при условии, что точно

известно время, когда были отложены яйца. В этом отношении Фурии и Финниану пришлось положиться на сведения жадного до наживы коротышки, разводившего пиявок в одном из убежищ внизу. Без лишних вопросов он заграбастал увесистый гонорар и растворился в толпе базара, где состоялась сделка.

Соответствуй его информация истине, *Hirudo librorum* полагалось бы вылупиться уже девять минут назад. Всё было готово, каждый на своём посту, оставалось лишь воспользоваться предстоящим хаосом. Вот только хаос никак не хотел наступать. Своих сомнений относительно их миссии Изида не выдавала ни единым намёком. По-видимому, это объяснялось тем, что шансы на успех и без того равнялись нулю. Фурия, как и Изида, отлично осознавала, что их предприятие могло потерпеть фиаско, толком даже не успев начаться. Иллюзий по этому поводу не питал никто: ни Фурия с Изидой, ни Кэт с Саммербель, ни тем более Финниан, который нёс наибольшую ответственность.

Над лабиринтами переулочков в поселении навис гул: бесчисленные голоса смешивались с сонмом шагов на мостовой, хлопаньем дверей и окон, звяканьем велосипедных звонков и стуком лошадиных копыт. В поселении экслибров редко когда мелькнёт оснащённая мотором повозка, бывает, то там то сям прогудит мопед, ещё реже прогрехочет грузовик. Зато частенько нет-нет да и протиснется сквозь густую толчею улиц трёхколёсный скутер «Пьяджо»¹, изящный ровно настолько, чтобы не застрять в пробках.

В переулке, над которым Фурия и Изида облюбовали наблюдательный пункт, уличные торговцы самоотверженно защищали свои прилавки. Чёрный рынок предлагал всё, что с большим трудом можно было достать в поселении. За духи и косметику, за модные украшения и сигареты многие экслибры готовы были выложить весь свой скудный месячный заработок. Особенным спросом пользовался такой товар спекулянтов, как старые видеокассеты с экранизацией литературных произведений. Экслибры обожали фильмы, снятые по мотивам романов, из которых они сами когда-то выпали. Ни от чего они не испытывали большего восторга, чем от актёров, игравших кого-нибудь из их знакомых. А поскольку высокие технологии в убежищах не прижились – здесь не было ни компьютеров, ни CD-дисков, – жители находили утеху в допотопных кинескопных телевизорах, а также кассетных видеомэгнитофонах первого поколения. Если же кому посчастливилось обзавестись и тем и другим, у голубого экрана собирались все соседи и под звучный хохот наслаждались старыми добрыми экранизациями.

Изида в нетерпении перевела взгляд с наручных часов на застывшее во мгле небо:

– Ничего хорошего: книжные пиявки всегда вылупляются только при свете дня, а теперь стало угрожающе темно.

Изида и Фурия, чтобы стать менее приметными, оделись в тёмные пальто с капюшонами. В переулке на противоположной стороне просматривались лабиринты зданий, будто вросших одно в другое. Пристройки разрастались вправо и влево: солидная кирпичная кладка, навесы из досок на крышах и даже башни с бойницами. Мардук, опаснейший король преступного мира в Либрополисе, превратил весь квартал в военный бастион, после первой магистрали захватив вторую и третью. За пределами поселения просто не допускали мысли, что какие-то новостройки нарушат живописную архитектуру Либрополиса: весь город напоминал британскую деревушку, дома которой пестрели средневековыми решётчатыми окнами и эркерами. Однако по этому поводу Мардук особенно не переживал: он снёс неказистые задворки и построил складские помещения из красного кирпича в самом сердце своих владений. С занятой позиции Фурия могла видеть только крыши, похожие на гигантские баржи в гавани. Именно там маячила их цель, в последнем из трёх павильонов. Единственный путь туда вёл через штаб-квартиру Мардука.

¹ «Пьяджо» (*ит. Piaggio*) – итальянская компания, известная машиностроительной техникой, в послевоенные годы прославилась производством мотороллеров и мотоциклов.

– Вынь-ка сердечную книгу, – посоветовала Изида.

Фурия сунула руку в карман своих штанов и нащупала петушиную книгу. Та дрожала.

– Что с тобой? – тихо спросила Фурия, вытащив её из-под пальто.

Клювик, обычно забавно высывавшийся из кожаной обложки на шее-шланге, втянулся вовнутрь так, что между складками кожи торчал лишь его жёлтый кончик. Сторонний наблюдатель принял бы его за забавный книжный орнамент или декоративную накладку, – никому и в голову не пришло бы, что этот маленький красный томик живёт своей собственной жизнью. Петушиную книгу опять затрясло, но она не выдавила из себя ни звука.

– Это всё из-за Мардука, – высказала предположение Изида. – Он часто устраивает бои петушиных книг, чтобы поддержать дух своего народа. Турниры, длящиеся дни напролёт, во время которых от сотен книг остаются одни потроха. – Она бросила на сердечную книгу Фурии молниеносный взгляд. – Ты, похоже, слыхала про него?

В знак согласия клювик кивнул: вниз-вверх.

– Ты моя бедненькая! – вырвалось у Фурии сочувственно.

Она приласкала книгу и хотела было аккуратно раскрыть, но страницы не желали отделяться друг от друга – они словно склеились.

– Да что с тобой такое? Я же рядом! Чтобы высвободить библиомантическую энергию, надо расщепить страничное сердце, а это возможно, только если раскрыть сердечную книгу.

– Ст-т-тр-р-ра... – затрещала петушина книга.

– Ну же, мне нужна твоя помощь, – сказала Фурия вкрадчиво. – Без тебя как без рук.

– П-п-панич-ч-ческая... ат-т-так-к-ка...

– Чего-чего?

– Судя по всему, у м-м-меня... п-п-паническая ат-т-така!

Изида насмешливо смерила взглядом съёжившуюся книгу.

– Похоже, у неё сдают закрепки!

Клюв с тоской высунулся из переплёта. Что-что, а упрекать хозяйку книжка умела.

– Я и мне подобные – из породы натур чувствительных, – произнесла она с горечью. – Наше существование – это долина слёз, тернистый путь лишений. Кому, как не тебе, дано постичь тонкий эмоциональный мир книги, Изида Пустота?

Та только буркнула что-то в ответ (Фурия не разобрала) и опять сосредоточила внимание на противоположной стороне улицы.

Фурия улучила минуту, когда книга отвлеклась, и одним махом распахнула томик. Клюв ударился о черепичную крышу.

– Вот! Что я говорила! – всхлипнула петушина книга, словно мировая скорбь легла тяжким бременем на её плечи.

«Жизнь и похождения Авеля Скромного Аксбриджа» значилось у неё на обложке, но это была лишь конспирация. Для чтения петушина книга не предназначалась. Она была стойким маленьким воякой, обратившим в свою пользу не один книжный поединок на задворках Либрополиса. Множество рубцов да пара выданных страниц – вот и всё её наследство от карьеры на рингах. С тех же пор как она излила душу Фурии в качестве сердечной книги, Фурия держала её при себе день и ночь. Наготове. Когда бы её наставница Саммербель ни занималась с Фурией, книга всегда была готова сослужить добрую службу.

– Ты видишь их? – спросила Фурия, листая сердечную книгу и стараясь размять напрягшиеся страницы.

Вытянув шею, Изида пыталась заглянуть за угол Мардуковых бастioned. Где-то там, впереди, находился главный вход, вблизи которого Кэт и Саммербель заняли свой пост. Они тоже ждут не дождутся, когда же наконец операция начнётся.

– Нет.

Фурия сморщила нос от вони, поднимавшейся из переулка. Постепенно эта вонь перекрыла даже книжный аромат, исходивший от её кожи.

– Разве можно себе такое представить, когда мечтаешь о приключениях, описанных в книгах? Сидя в уютном кресле, грабить коммивояжёров с Фантастико Фантастичелли или плыть к острову сокровищ с Джимом Хокинсом² – это совсем не то, что копошиться здесь, в грязи.

Два месяца назад Фурии стукнуло шестнадцать. Раньше в день рождения на столе, накрытом к завтраку, она всегда находила превосходный пряник Паулины. Но кухарки больше не было в живых, и потому девочка в этом году получила совсем другие подарки: от Кэт – кусок лавандового мыла из лавки в Уинчкомбе (с тех пор как подруга стала регулярно мыться, она придерживалась мнения, что и другие обязательно должны следовать её примеру), от Изиды – складной нож («Тридцать две функции! Из нержавеющей стали! Гарантия!»), а от младшего брата Пипа – предпоследний кухаркин пряник, который он полгода прятал для Фурии под матрасом.

Игнорируя ворчание петушиной книги, Изида спросила:

– А кто, собственно, кормит Замзу, когда тебя нет?

– Пип. И уже довольно давно.

Изида скептически повела бровью:

– И ты отпускаешь его одного к этому вредителю меланхолику?

– Ему уже одиннадцать. Как-нибудь разберётся.

Изида открыла было рот, чтобы возразить, но слова застыли у неё на губах. На противоположной стороне улицы раздался крик, за ним последовали другие. Возбуждённый рёв смешался с сигналами тревоги. Вооружённая охрана, наблюдавшая за крышами Мардуковых бастионов, встревоженно переглянулась, после чего патрули ринулись к входам в здание.

Изида мгновенно присела на корточки. Её глаза горели решимостью, а в насмешливых чертах забрезжила улыбка. Мягкое мерцание просачивалось сквозь её узкий корсаж. Уже несколько недель она не носила ничего белого, как раньше, напротив, – только иссиня-чёрные вещи.

Фурия расправила капюшон. Под пальто на ней была водолазка навыпуск, штаны с накладными карманами, а светлые волосы она собрала в пучок на затылке. Указательный палец правой руки девочка держала между страницами своей сердечной книги.

– Книжные пиявки! – сердечная книга тяжело вздохнула. – Какая гадость! Они прогрызают книги, как червяки – яблоко. Это просто безответственно – тащить меня с собой. Слышите? Без-от-вет-ствен-но!

Изида метнула один уже забытый бестселлер через улицу. Книга приземлилась на противоположной крыше. Едва Фурия успела нагнуться за вторым экземпляром романа, как он сам уже взмыл ввысь. Изида прикрыла правой рукой картинку на обложке, а Фурия рукой слегка поддержала том снизу. Они едва касались книги. И вдруг её очертания стали размываться.

Вместе с книгой растворились в воздухе и Фурия с Изидой, вначале оказавшись в пустоте между страницами мира, но через какую-то долю секунды они снова появились, уже на крыше Мардуковых укреплений, в двух шагах от первого экземпляра, потускневшего у их ног, а в следующий момент исчезнувшего окончательно.

Фурия оценивала обстановку, пока Изида проворно расстёгивала крючки своего корсажа; лишь один – посередине – она оставила застёгнутым. Волна света прорвалась сквозь чёрную материю, мягко пульсируя в такт сердцу.

– Готова?

Фурия кивнула.

² Подросток Джим Хокинс – главный герой романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ»; этим романом Фурия зачитывалась в первой книге.

– Не знаю, интересует ли это кого, но меня мутит, – прошуршала петушиная книга.

Фурия сочувственно потрепала её за обложку, после чего покорно последовала за Изидой к невысокой башне, стоявшей не более чем в десяти шагах от них. Они остановились перед узкой стальной дверью. Изида нажала на ручку. Дверь была заперта изнутри.

– Финниану уже пора появиться, – сказала Фурия. – Для него всегда уговор дороже денег.

Изида вертела головой, озираясь по сторонам, но смотрела при этом не на Фурию, а куда-то мимо неё, на крышу. Её глаза широко раскрылись, а в зрачках, словно в ускоренной киносъемке, сверкнуло отражение пламени из ствола.

– Ложись! – скомандовала она, одной рукой оттолкнув Фурию в сторону, а другой дёрнув последний крючок корсажа.

Спустя долю секунды просвистел выстрел, раздался чей-то крик, а Изида озарилась светом ледяных звёзд.

Глава вторая

Несколькими минутами раньше Кэт и Саммербель стояли в глубине тенистого переулочка, нетерпеливо наблюдая за суетой перед главным порталом бастиона. Одни торговцы возводили палатки, другие предлагали свои товары на дощатых лотках; особого трепета перед гвардией или полицией здесь никто не испытывал. Большинство нелегальных сделок в гетто Мардук вёл сам, Адамантова Академия глядела на всё сквозь пальцы, коль скоро он не наступал слишком откровенно на ноги её лакеям. В народе поговаривали, что король клоаки располагает каким-то орудием давления, благодаря которому учреждения идут на уступки, и тот, кто видел, сколь невозмутимо Мардук выставляет на продажу запрещённый товар, находил в сплетнях рациональное зерно.

Толпа напоминала восточный базар. Между домиками стоял густой аромат кореньев и мыла, смешанный с испарениями мужских и женских тел, напивающих друг на друга, с запахами жареной свинины и свежего конского навоза. Хотя английский был в Либрополисе ходовым языком, до Кэт постоянно доносились обрывки фраз на французском, итальянском и немецком. Вне всякого сомнения, здесь встречались экслибры и из восточной, и из африканской литературы, но так же, как и на пёстрых лондонских толкучках, большинство из них старалось говорить на едином наречии, чтобы грамотно предложить товар или поторговаться о цене.

– Нельзя было доверять этому гаду! – фыркнула Кэт с презрением. – Тоже мне, пиявковод! – Она выплюнула это слово с таким пренебрежением, словно ему и во рту не место. В гетто она провела без малого три года, а за это время – чаще всего со вкусом – Кэт хотя бы раз произнесла все мыслимые и немыслимые ругательства.

Основная забота Кэт – тревога за Финниана, находившегося внутри укрепления, а осуществление их с Саммербель плана было делом второстепенным. Как-то, около семи месяцев назад, она проникла в это здание одна. Тогда она выкрала из легендарного собрания Мардука мумифицированную руку библиоманта. Она и на этот раз порывалась попробовать пробраться внутрь самостоятельно, но потом всё же была вынуждена признать, что ситуация порядком изменилась. С одной стороны, предмет их поиска находился в дальнем павильоне, за теми залами, где у Мардука был знаменитый кабинет библиомантических редкостей и куда не добирался ещё ни один вор. С другой стороны, после вторжения Кэт число караульных постов утроилось.

Её напарница Саммербель опустила пониже на лоб капюшон своей куртки, хотя дождь прекратился уже давным-давно. Молодая библиомантка обладала необычайно белой кожей и своими филигранными чертами напоминала фарфоровую статуэтку. У неё были короткие белоснежные волосы, зато брови – почти чёрные. Саммербель – отпрыск Ирла из Сассекса, дворянская дочка до мозга костей. Её папаша, учёный-коллекционер средневековых рукописей, не стеснясь, критиковал Академию, и ему не очень-то улыбалось плясать под дудку трёх семейств. Как и многих из тех, кто открыто выражал свой протест, однажды ночью его увели представители гвардии и по сфальсифицированному делу бросили в застенки. Больше семья его не видела, пока наконец несколько месяцев спустя родным не выдали его труп. Согласно официальной версии Ирл скончался в тюрьме от инфаркта.

Через некоторое время Саммербель примкнула к движению сопротивления и стала первой библиоманткой, перешедшей в ряды повстанцев. Кроме неё у братьев-бардов подвизался ещё один библиомантический талант – в прошлом лицо духовное. Однако пару недель назад он порвал с резиденцией, и след его простыл где-то в убежищах. За время, проведённое в подполье, в Лесу мёртвых книг, Саммербель нисколько не утратила своих утончённых манер. Она постоянно расхаживала с высоко задранной головой. В семнадцать у неё уже красовалась мор-

щинка скепсиса на переносице, а изъяснялась она, как правило, так, словно только что явилась с королевского бала.

Вначале от встреч с ней в резиденции Кэт просто уклонялась – так она вела себя раньше почти со всеми библиомантами. Но в один прекрасный день нервы не выдержали, и Кэт принялась искать повода для ссоры с воображалой Саммербель. Та, к безграничному изумлению Кэт, извинилась и сообщила, что ни в коем случае не причисляет себя к высшим существам. К такому вежливому и уступчивому обращению за годы жизни в гетто Кэт не привыкла. В довершение всего Финниан просветил её относительно прошлого Саммербель, после чего между девушками воцарилось хрупкое перемирие. Кэт смотрела сквозь пальцы на жеманство дочки благородных родителей, а Саммербель всякий раз прикусывала себе язычок, едва задумав отпустить какое-нибудь едкое замечание насчёт уличного жаргона своей соперницы. Ни одна из них этому миру по-настоящему не доверяла – это был договор между «низами» и «верхами», между фешенебельным Сассексом и клоакой-гетто, между леди по крови и безродной хамкой.

Перед Мардуковой штаб-квартирой патрули вспугнули коротышку экслибра, который пытался загнать прохожим беспощинные сигареты *Smoke & Mirrors*³ – излюбленную марку большинства библиомантов. Немного умения – и дым от них воспроизводил ключевые сцены из недавно прочитанных книг. Порой это глубоко потрясало, порой вызывало чувство неловкости, но всегда было предметом безудержного хвастовства и гордости. Очевидно, торгош не заплатил дань или же по какой-то иной причине оказался у Мардука в чёрном списке.

Патрули – все как один неотёсанные коновалы – были вооружены огнестрельным оружием и саблями: в убежищах клинки всё ещё рассматривались как символ социального статуса, пусть даже на практике они давно вышли из употребления. Охрана состояла сплошь из экслибров: библиомантами Мардук не окружил бы себя никогда в жизни. И хотя он коллекционировал связанные с ними артефакты и их реликвии, его терзала зависть, что ему как экслибру никогда не обрести библиомантических способностей – ибо так некогда завещал Зибенштерн в скрижалях творения. Изида была единственным известным исключением из этого правила, да и то благодаря Фурии.

Кэт снова бросила взгляд на часы с грубым мужским браслетом (их она умыкнула в свой самый первый день в гетто и с тех пор ни разу не снимала):

– И чего они никак не вылупятся?

– Может быть, уже вылупились... – Саммербель потёрла свой остренький носик. – А тебе известно, Кэт, что против *Hirudo librorum* разработаны очень даже эффективные средства? Саммербель обожала начинать предложения своей коронной фразой: «А тебе известно...» Это было одной из её «утончённых» глупостей, доводивших Кэт до белого каления. Но сегодня Кэт пропустила это мимо ушей. Как ни соблазнительна была мысль схватить Саммербель за её белую лебединую шею и хорошенько потрясти, но отвлекаться от вещей действительно важных – вроде тревоги за Финниана – всё же не хотелось.

– Вечно он так... – бубнила она себе под нос. – Втемяшит себе что-нибудь в башку и рискует ради этого жизнью. Ему решительно наплевать, что его гибель причинит кому-то боль!

Саммербель тронула её за плечо:

– Ничего с Финнианом не случится. Он знает, что делает.

Три месяца прошло с тех пор, как он проник в преступные круги Мардука, чтобы обстоятельно подготовить сегодняшнюю акцию. Три месяца – с тех пор, как они виделись в последний раз. Всё это время от него не было ни слуху ни духу, лишь пара строк в заброшенном почтовом ящике на окраине гетто. Она так сильно по нему тосковала, что по ночам с замиранием сердца просыпалась и часами лежала, не в силах думать ни о чём, кроме ужасов, которые с ним могли бы приключиться. «Да ведь это не я», – внушала она себе снова и снова. В

³ *Smoke & Mirrors* (англ.) – «Дым и зеркала».

тринадцать она свалила из дому и с той поры очень дорожила своей независимостью, годами тусуясь в поселении экслибров, и даже успела заработать себе репутацию надёжной наёмной воровки. Она – и о ком-то беспокоиться? Да никогда! Она не волновалась даже за себя, а что уж говорить о ком-то постороннем!

– Что ж, вполне понятно: он тебе нравится, – продолжала Саммербель, поглядывая на нагромождение укреплений Мардука.

– Что ты имеешь в виду?

Саммербель украдкой улыбнулась.

– Парень он смышлённый. Видный... Ну может, конечно, на любительницу – с перебитым-то носом и рваным ухом... Но было бы беззастенчивой ложью утверждать, что в нём вообще нет ничего привлекательного.

Кэт сверкнула глазами на Саммербель.

– А главное – у него есть подруга, ясно?

– В течение трёх месяцев у него никакой подруги не было.

Если бы она сюда ещё добавила: «по крайней мере такой, о которой мы бы знали», Кэт показала бы ей здесь и сейчас, как оно – с перебитым-то носом, и вряд ли он сделал бы её более привлекательной, чем Финниана. Кэт, конечно, упускала из внимания тот факт, что с библиомантки станется в наказание обратить её в какую-нибудь книжную пиявку.

Вот это-то и было, пожалуй, основной загвоздкой: сердечная книга пришла к Саммербель уже в двенадцать лет, неслыханно рано, и с тех пор библиомантика была для неё пустяком, как для других девочек её возраста – экзамен по конному спорту.

Кэт перевела дух, взъерошила свои короткие чёрные волосы и сделала вид, будто ей надо срочно проверить все молнии на кожаной куртке. Из-под неё торчали длинные ноги в полосатых лосинах. Она была обута в тяжёлые кожаные ботинки, с которыми никак не желала расставаться.

– Внимание! – скомандовала Саммербель. – На старт!

Внутри бастиона загудел колокол тревоги, за ним последовал вой сирены. Кэт вытащила из-под куртки книжку, которую она всё это время там прятала. Такой же экземпляр держала наготове Саммербель. Они пролистали первые странички и шёпотом прочли каждая себе под нос заклинания. Кэт, от рождения лишённая библиомантической жилки, почувствовала, как её захватывает сила книги. К этому она никак не могла привыкнуть: в ней будто бы просыпалось второе сознание – сознание книги, соединявшееся с её духом. За короткий миг книга просканировала её мысли. В тени узенького переулочка девушки опустили перед собой на землю фолианты – каждый размером с альбом по искусству, в твёрдом, словно камень, кожаном переплёте – и раскрыли их посередине. Встав обеими ногами на распахнутые страницы, они отдали букбордам приказ оторваться от земли и взмыть вместе с ними в воздух.

Глава третья

В момент долгожданного появления книжной пиявки на свет Финниан уже карабкался на чердак.

Если бы заводчик⁴ не соврал, паразиты наводнили бы здание десять минут назад. Финниан заранее обработал пенистой пиявочной икрой почти две дюжины укромных местечек: под половицами пола, в щелях между внутренней обшивкой стен и бетоном, за потолочными балками. Медлить было нельзя.

По-хорошему он должен был бы уже четверть часа назад оказаться перед дверью на крышу, чтобы при первом же сигнале впустить туда Фурию и Изиду. Но в ответвлении одного из коридоров подчинённый Мардука втянул его в разговор. Расспросы подчинённого Мардука о повстанческом прошлом Финниана звучали как бы невзначай, но то, что они так настырно начались именно сегодня, вызвало у молодого человека подозрения. Ещё один этаж – и будет крыша, одна из крыш. Комплекс зданий состоял из огромного числа соединённых паутиной переходов и подъёмов домов, где ориентироваться было так же трудно, как в лабиринте.

Не успел он завернуть за последний угол, как раздался гул. Незадолго до того он мог ещё слышать воркование почтовых голубей наверху. Мардук любил рассылать с ними почту, считая эту связь более надёжной, чем устаревшая телефонная сеть Либрополиса – к её проводам можно было подключиться прямо на улице. Но крики и сигналы тревоги, доносившиеся из глубины штаб-квартиры, становились всё громче, так что голубиные беседы резко смолкли.

Помимо собрания редкостей Мардуку принадлежала одна из богатейших библиотек в Либрополисе: десять тысяч редких фолиантов, взысканных им с антикваров города как «залог нерушимой дружбы». Финниан намазал пиявочную икру перед входами в библиотечные залы, и как раз в этот самый момент люди Мардука должны были обнаружить тысячи червеподобных созданий, заползающих под двери и набрасывающихся на Мардуковы антикварные сокровища. Поскольку самого Мардука на месте не было – он утрясал свои делишки в другом убежище, – теплилась надежда, что его подчинённые, охваченные паникой, бросят все имеющиеся в их распоряжении силы для борьбы с голодными пиявками. Вне всякого сомнения, они догадывались, *что* им светит, узнай их предводитель об опустошениях.

Финниан потратил недели, чтобы заручиться доверием этой банды. Благодаря бомбе, помещённой им на опушке Леса мёртвых книг, он умудрился спасти многих повстанцев от натиска гвардии. Так как тело Финниана найдено не было, его имя по-прежнему возглавляло список лиц, объявленных Академией в розыск, – заметное преимущество, если хочешь наметить главным мафиози Либрополиса, что ищешь укрытия в их рядах.

Когда он наконец добрался до голубятни, ему ударил в нос терпкий запах птичьего помёта и старых перьев. В клетках сидели, тесно прижавшись друг к другу, голуби, и их чёрные глаза-бусинки пристально за ним следили, словно пытались помочь своему хозяину распознать измену. Рассказывали, что всевидящее око Мардука способно проникать в любые уголки Либрополиса, и Финниан никак не мог справиться с чувством, что его уже давно разоблачили и лишь морочат голову, будто всё ещё у него в руках.

Снова в глубине укреплений завывала сирена. Захлопали двери, люди в панике начали кричать друг на друга, а эхо разносило звуки их голосов по коридорам и лестничным пролётам. Финниан достиг стальной двери, ведущей наружу. Когда рука его опустилась на тяжёлую задвижку, вони от клеток он уже почти не замечал. Он не был библиомантом, чтобы определить, не прячется ли кто, наделённый библиомантическим даром, за дверью; оставалось лишь всецело положиться на свой план и везение.

⁴ Заводчик – здесь тот, кто занимается разведением пиявок.

Засов заело. Медленно и со скрипом сдавал он свои позиции.
– Ну давай же! – Финниан с силой ударил по щеколде.
Снаружи прогремел выстрел.

Глава четвёртая

Изида оттолкнула Фурию в сторону, та сделала выпад, отчаянно балансируя, но всё-таки споткнулась. Она читала, что человек ощущает пулю лишь несколько мгновений спустя: в первую секунду шок притупляет боль. На миг Фурия даже решила, что её задело.

Но времени искать рану у неё не было. Раздался крик, и световая волна залила всё вокруг ослепительной белизной.

Перед стальной дверью стояла, широко расставив ноги, Изида. Верхняя часть её туловища распахнулась, словно складень⁵. Там, где только что находилась грудная клетка, резко расступились створки, а за ними показались страницы, которые перелистывались сами собой. Одна из страниц затвердела, расщепилась, и между образовавшимися слоями забилося, мерцающая, страничное сердце. Губы Изиды беззвучно лепетали какие-то слоги. Её мощь превосходила силу большинства библиомантов, но каждый такой сеанс забирал у неё чрезвычайно много сил. Даже спустя полгода ей стоило немалого труда мастерски использовать вновь приобретённые навыки с минимальным для себя ущербом. Человека, стрелявшего в неё, окатило яркой вспышкой, а затем смело ударной волной, которая с лёгкостью унесла бы и танк. Завопив, стрелявший ударился о край крыши и навзничь рухнул на мостовую. Фурия вскочила. Теперь уже и до патрулей у подножия укрепления должно было дойти, что на крыше незваные гости.

Между тем страничное сердце в груди Изиды отгорело, книга захлопнулась, и её тело снова приняло очертания женского туловища. Остался даже не шрам, а лишь красная полоска, проложившая дорожку через всю грудину.

У Фурии вертелось на языке: *«Достаточно было бы выстрелить!»* Изида носила на поясе серебряный автомат, но было ясно, что своё решение она приняла почти бессознательно. С тех пор как Изида стала экслиброй Зибенштерна, ей приходилось бороться с последствиями своего превращения: с одной стороны, у неё появилась неслыханная мощь, с другой – ей стоило немалого труда держать эту мощь в повиновении. Она была первой, и, наверное, единственной, экслиброй, обладавшей библиомантическим дарованием в масштабах, впечатливших, пожалуй, даже легендарную Федру Геркуланию, праматерь всех библиомантов.

Изида пробормотала проклятье и принялась застёгивать корсаж, на этот раз на все крючки, чтобы страничное сердце у неё внутри, не дай бог, опять не распахнулось самовольно. Потом она достала револьвер и посмотрела поверх крыш. Остальные охранники появятся в любую минуту.

Фурия заметила, что Изиду слегка качало. На её бровях поблёскивали капли пота.

– Всё в порядке?

Изида кивнула.

– Точно?

– О господи, Фурия, прекрати! Всё отлично! – Металл в голосе Изиды, видно, был так же произволен, как и её выходка.

Когда силы Изиды иссякали, она начинала капризничать. Скоро она опять впадёт в круглосуточный восстановительный сон, как это часто бывало раньше.

Фурия подняла петушиную книгу и сунула палец между страниц. Со стороны башенной постройки доносились голоса. Похоже, не все охранники отправились внутрь – воевать с пиявками.

– Спина к спине! – скомандовала Изида. – Они наступают со всех сторон. Если охраны будет слишком много, ни в коем случае не впадай в панику. Сосредоточься на ком-нибудь

⁵ Складень – двух- или трёхстворчатая икона.

одном и стреляй, затем следующего, и так – по очереди, ряд за рядом. И будь осторожна при отдаче!

Фурия кивнула. Она теперь применяла библиомантику так ловко – после долгих месяцев обучения у Саммербель, – что отдачу вообще не замечала.

В это время стали раздаваться шаги по каменным настилам и черепичным откосам крыши со всех сторон от башни. Перебивая друг друга, кричали мужские голоса, в такт им гремели снизу колокола, опять завывала сирена тревоги.

Фурия распахнула свою сердечную книгу.

– Мы выстоим! – крикнул клюв откуда-то снизу, но из соображений безопасности книга втянула свою гибкую шею-шланг обратно, будто и сама не слишком-то верила своим высказываниям. Фурия боялась не столько охранников, сколько того, что потерпит провал. Долго пришлось ей бороться за то, чтобы принять участие в этом сражении.

Голоса набирали силу. Кто-то крикнул: «Берегись!» Наверное, один из охранников заметил вспышку, оказавшуюся для другого роковым.

– Приготовиться... – шепнула Изида позади неё. – Внимание! Три, два...

Рядом с ними кто-то взломал стальную дверь. Вверх взвились перья. Наружу вырвался едкий запах птичьего помёта.

– Сюда! – крикнул Финниан. – Скорее!

Он был грязный, со слипшимися волосами. По его взгляду Фурия поняла, что он был страшно взволнован. Он отпрыгнул в сторону и поманил их внутрь.

– Мы бы их всех порешили! – каркнула петушинная книга, предусмотрительно вытянув свою длинную шею к двери, словно никак не могла дожидаться, чтобы укрыться за ней.

– Беги! – скомандовала Изида, оставаясь на посту и прикрывая отступление.

Краем глаза Фурия заметила, что на углу башни собираются какие-то личности, но охрана подоспела слишком поздно. Ей с Изидой удалось избежать столкновения, просто захлопнув за собой дверь, но Изида...

Она бросила Фурии пистолет:

– Лови! – и прыгнула обратно на крышу.

Чтобы привлечь внимание противников, она прямо там, где стояла, сделала в воздухе сальто, словно парящий чёрный призрак. Когда она опустилась на ноги, перед ней возникло шестеро мужчин, которые ринулись на неё с разных сторон, разделившись на две группы. С молниеносной быстротой пальцы Изиды пробежали, словно по клавишам, по крючкам корсажа.

Фурия отвернулась: из верхней части туловища Изиды хлынул свет – сжатая энергия страничного сердца, более мощная, чем энергия любой печатной книги. Взгляд Фурии упал на Финниана, смотревшего широко раскрытыми глазами из голубятни. В его лице не было ни триумфа, ни ужаса, а только что-то неприятным образом напоминающее гнев. Насколько сблизился он с этими людьми в последние три месяца? Среди них он жил, и для того, чтобы его приняли, должен был поневоле с некоторыми подружиться. Как хорошо он знал тех шестерых, которых Изида в мгновение ока прикончила там, на крыше? Когда Изида вслед за ними пролезла в голубиную башню, голоса на улице уже стихли. Финниан захлопнул дверь и защёлкнул задвижку.

Присев на корточки, Изида вынула из кармана сплюснутую птичку-оригами и расправила её. Потом небрежным движением приоткрыла ворота между убежищами, так чтобы в щель протиснулся кулак. Фурия знала: эти ворота вели в библиотеку резиденции, в римские катакомбы под усадьбой, где их вестей ждал Ариэль. Изида посадила крошку оригами себе на ладонь, шепнула ей что-то и отпустила на волю. Нервно подрагивая крылышками, та проплыла сквозь зазор между убежищами, чтобы сообщить Ариэлю, что первый рубеж они преодолели.

Портал опять закрылся, сжался до мерцающей точки в воздухе и исчез. У Изиды было несколько таких зверушек с собой, и каждое существо она надрессировала на определённую находившуюся у Ариэля книгу, к которой им предстояло вернуться. Оригами особой смыслённостью не отличались, но обладали безошибочным инстинктом: большинство из них умели отыскивать дорогу даже в пустоте, между страницами мира.

Изида и Финниан кивнули друг другу как профессионалы (а они ими и были). Она – в прошлом агент, уничтоживший дюжины находившихся в розыске экслибров, он – борец сопротивления, нанёсший многочисленные удары по цитаделям Адамантовой Академии. Им бы быть кровными врагами, а они работали рука об руку на общее дело. Будучи здесь, чтобы добыть план Санктуария⁶, никто не задавался даже вопросом: а стоило ли ради него жертвовать жизнями людей и экслибров? План показывал тайный путь в святая святых Адамантовой Академии – в Санктуарий, место, где собирались на Совет главы трёх семейств. Своими глазами никто из повстанцев этого плана не видел. На деле их любопытство подстрекал один слух: якобы давным-давно план угодил в лапы Мардука, став драгоценной жемчужиной в его собрании редкостей. В девятнадцатом веке основатели «Алого зала», из которого позднее образовалась Адамантова Академия, возвели Санктуарий, тайное убежище, находящееся в глубочайших расселинах между страницами мира. Правом открывать туда ворота обладали только члены трёх семейств. Согласно слухам, расположение убежища было нанесено на этот план Санктуария, а картограф за дерзость заплатил очень высокую цену.

Под крики птиц, через вихрь выпавших перьев троица поспешно пересекла голубятню. Финниан повёл их по винтовой лестнице вниз, из глубины шахты слышался вой сирены и лающие команды подчинённых Мардука.

Вдруг Изида остановилась как вкопанная.

– Здесь что-то не так.

Фурия повернула к ней голову:

– Ты думаешь... – и почувствовала то же самое. – Библиомантика!.. – прошептала она. Это место было насыщено библиомантикой.

Поскольку у Финниана отсутствовали необходимые органы восприятия, ему не дано было ощутить это. Но обе библиомантки тотчас же распознали знакомый энергетический поток.

– Совершенно исключено, – заверил Финниан. – В штаб-квартире Мардука нет никаких... – Фразы он не закончил: по лицу его скользнула тень, что-то изменилось в его тёмных глазах. – Я... – начал было он снова, но только покачал головой.

– Да что же это? – бросила Изида раздражённо.

«Действительно, что?» – Фурия с удовольствием задала бы тот же самый вопрос. В месте, где никакой библиомантики не должно быть по определению, так как Мардук не терпел библиомантов в своих рядах, воздух буквально налился освобождённой книжной магией.

– Может быть, пива? – предположила она, но прозвучало это не слишком убедительно. – Или Мардукова коллекция?

Изида покачала головой:

– Всё, что здесь происходит, нельзя объяснить законами библиомантики.

– Надо идти дальше! – Финниан показал вниз. – У нас всего пара минут.

⁶ Санктуарий – здесь: помещение для тайных собраний и священнодействий.

Глава пятая

Кэт и Саммербель пронесли мимо на своих букбордах над главным входом прямо над головами охранников, выкрикивая непристойности и ругательства и отвлекая внимание посетителей рынка на себя.

Им вторило нервное ржание, цокот лошадиных копыт. Но, бросив взгляд через плечо, Кэт обнаружила не жеребца, вставшего на дыбы на задних копытах, а кентавра. Зооморфные экслибры в гетто не были редкостью, но иные из них возбуждали гораздо больше любопытства, чем остальные. Этот кентавр и правда затмевал почти всех. Саммербель поспешно расщепила страничное сердце, прочла на лету тлеющую запись в своей сердечной книге и послала с неба молнию в гущу толпы. Гром, сопроводивший этот безобидный мираж, перекрыл даже сирену в глубине укрепления.

Посетители чёрного рынка хлынули в прилегающие проулки. Некоторые из них, пользуясь тем, что торговцы отвлеклись, на ходу хватали с витрин и лотков товар и набивали им полные карманы. Продавцы потрясали вслед девушкам кулаками, пока Саммербель не высекла ещё парочку молний и не бросила их справа и слева от портала. На этот раз вдоль фасада сверкнули искры, и два охранника грохнулись на землю. Время иллюзий прошло. Теперь потребуются часы, прежде чем мужчины опять поднимутся на ноги.

Кэт держала букборд под контролем и теперь управляла им одним давлением ног. Чтобы стоять прямо на летящей книге и не терять при этом равновесия, требовалась известная сноровка. Живя в гетто, девушка время от времени брала напрокат такую доску, но своей собственной у неё никогда не было. Лишь в последние недели она начала регулярно тренироваться, порой на пару с Саммербель, но чаще всего одна. Жизнь на крышах Либрополиса научила её балансировать на порядочной высоте, и теперь ей это пригодилось. Двигалась она, почти вальсируя, чувствуя себя легко и свободно, в то время как ветер овеивал её лицо и бряцал застёжками молний на куртке.

Большинство библиомантов воротили нос от побрякушек вроде букбордов: книги, мол, созданы, чтобы их читать, а не чтобы на них летать. Дед Фурии, Кассий Ферфакс, напротив, ещё десятилетия назад страстно увлёкся чудесами библиомантической техники, добыв для резиденции живую лампу для чтения и говорящее кресло. Не чужд подобным экспериментам был также один француз, по имени Жан-Луи де Виль, которому наскучило перетаскивать по своей библиотеке тяжёлые стопки книг. И в 1890 году он изобрёл книги, выполнявшие эту задачу. Они постоянно лежали в самом низу башен из фолиантов и в ответ на команду изобретателя перемещали высокие книжные стопки по всему его имению в Оверни. Благодаря своему изобретению де Виль обеспечил себе громкое имя, но всё равно оказался почти забыт.

Несколько лет назад либрополисская молодёжь открыла для себя его изобретение и ради простоты окрестила букбордом. После того как Кэт поведала Изиде, что в городе их не менее восьми, та спустя некоторое время вернулась в резиденцию с двумя экземплярами. Поскольку книгам присуще собственное библиомантико-энергетическое поле, на них могла летать и Кэт, пусть и не так долго, как настоящий библиомант: уже через некоторое время книголёт опускался к земле, и лишь через пару недель на нём можно было летать снова.

В переулках вокруг Мардуковых бастионов теперь остались только охрана и перепуганные лавочники. Вышибалы короля клоаки, казалось, никак не могли решить, чем заняться в первую очередь: борьбой с пиявочным нашествием или же отловом девиц на букбордах. Некоторые принялись палить по возмутительницам общественного спокойствия из ружей и пистолетов.

Одна пуля пролетела на волосок от Кэт, пока та прочерчивала в воздухе узкую петлю, на головокружительной скорости проносясь над тентами торговых палаток. Инстинктивно

она сгруппировалась, чтобы предоставить пулям как можно меньшую поверхность. Раскрытая книга у неё под ногами, казалось, заметалась туда-сюда, но это было всего лишь следствием сопротивления воздуха. Для подобных скоростей Жан-Луи де Вилль свои книги явно не предназначал: это было всё равно что гнать выючного осла по ипподрому. У девушек оставалось в распоряжении каких-нибудь пять-шесть минут, по истечении которых сначала пойдёт на посадку доска Кэт, а чуть позже – и букборд Саммербель. Но до тех пор они обязаны сделать всё, чтобы отвлечь расставленных на крышах стрелков от Фурии и Изиды.

Кэт подала знак Саммербель. Здесь, внизу, они уже наделали достаточно беспорядка. Юная библиомантка едва уклонилась от залпа выстрелов, её светлые волосы растрепались на ветру. Смутьянки, нарушившие спокойствие чёрного рынка, лёгким предупреждением не отделались бы, ведь Мардук натаскал своих горилл на славу.

Теперь Кэт и Саммербель дуэтом взвились в воздух до самых крыш. Кэт пригнулась ещё ниже, посильнее поддала левой стопой по книжной странице и закрутила петлю. Букборд просвистел между двух фронтонов и сделался для пуль снизу недостижимым. Правда, Кэт не знала, сколько стрелков на крыше уже успели взять её на мушку. Едва она влетела в расселину между покатыми черепичными крышами, у неё над головой промчалась Саммербель, отчаянно размахивая сердечной книгой:

– Трое ринулись за мной в погоню!

– На букбордах?

– У мётел есть по крайней мере черенки, не так ли?

Кэт выругалась и спросила:

– Неужели библиоманты?

– Не думаю. Но у двоих есть ружья, а у третьего – дубинка.

Теперь Кэт и Саммербель летели бок о бок между двумя рядами крыш, в глубь расщелин нагромождений камня и глиняной черепицы, поросшей плотным мхом. Там, где после ливня засорились трубы и желоба, собралась затхлая влага. Встревоженные сиреной, по небу металась птицы. Позади конька на крыше, куда Кэт перевела взгляд, раздавались голоса. В любую минуту там должны были появиться преследователи.

– Я отвлеку их! – крикнула Кэт, пролетая над тёмным внутренним двором. – Сможешь к ним подобраться снизу?

Саммербель недолго думая сделала на букборде вираж, а через секунду уже погрузилась в тенистую глубину. А Кэт в это время подпрыгнула в воздухе, при этом лихо повернувшись, и уверенно приземлилась обеими ногами на книжном развороте. Теперь она летела задом наперёд, и на короткий миг у неё закружилась голова. Преследователи уже пожаловали: гуськом перелезая через конёк крыши на расстоянии метров тридцати. Парочка с ружьями целилась в Кэт. Как знать, наверное, наивно было надеяться, что люди Мардука не подготовлены к нападению с воздуха. Слегка петляя на своём букборде, она содрогнулась перед лицом той невозмутимости, с какой оба стрелка направляли на неё оружие, совершенно не замечая ни скорости, ни ветра, бьющего им в спину. В следующую секунду они перелетели через внутренний двор. Вниз никто не взглянул.

На этот раз от трюков с огнём Саммербель отказалась. Она некой невидимой рукой схватила в воздухе последнего из преследователей и его головой пробила близлежащую крышу. Его крики потонули в грохоте падающей черепицы. Одного из стрелков снизу подхватило ударной волной, и он с размаху врезался во фронтон, обрушившийся из-за такого столкновения.

Третий стрелок уже пересёк двор, и дуло его оружия по-прежнему указывало на Кэт. Она направила свой букборд круто вверх, а потом резко рванула его вниз и влево. Пуля просвистела мимо, вдребезги разбив чернеющее окно чердака. В полёте задом наперёд Кэт едва не потеряла равновесие, балансируя руками и чуть не зацепившись за стену, возникшую словно из пустоты. Снова обретя твёрдую почву под ногами, она увидела, что Саммербель догоняет стрелявшего.

Только он хотел повернуться, чтобы выстрелить в неё, как она треснула его кулаком по голове. Он закричал, пошатнулся, попытался удержаться за своё ружьё, но внезапно книги у него под ногами не оказалось. Букбординг промчался без него дальше, пока не плюхнулся в лужу. Человек врезался во флюгер, перекувырнулся и исчез на другой стороне крыши.

Несколько секунд спустя Саммербель оказалась рядом с Кэт, которая теперь – и на этот раз гораздо осторожнее – развернулась по направлению полёта.

Сердце бешено грохотало в висках Кэт.

– Недурно.

– Он тебя задел?

– На километр промазал! – Кэт одарила её улыбкой. – Правда, весьма впечатляюще?

Щёки Саммербель ярко алели – наверное, от напряжения.

– Ну что, сворачиваем? Если всё обошлось гладко, значит, другие уже в здании.

Кэт огляделась по сторонам, не видно ли кого из противников, но никого не обнаружила.

Тем не менее эта передышка вызвала у неё недоверие.

– У меня есть предложение получше.

Саммербель вскинула тёмную бровь.

– Пошли к ним, – сказала Кэт.

– Но план...

– Можно и поменять. Может быть, я нужна сейчас Финниану. Во всяком случае, он мне нужен, – уточнила Кэт. – Вдруг им надо помочь?

Саммербель нахмурилась:

– Мы будем придерживаться наших договорённостей.

– Но ведь тогда мы не знали, что здесь, наверху, всё обернётся так легко.

– Легко? – Складка между бровями Саммербель залегла ещё глубже.

Кэт махнула рукой вперёд:

– Вон там последний павильон. Рискнём?

– Нет, мы...

Кэт больше не слушала. Лишь ускорила свой букбординг.

Глава шестая

Создавалось впечатление, будто белый конь балансировал в невесомости на кончике своего рога, который, как сабля длиной с вытянутую руку, торчал из его лба. Конь висел в центре зала вниз головой. Его передние ноги были откинuty перпендикулярно к телу, а задние – вытянуты вверх. Лишь хорошенько присмотревшись, Фурия разглядела тонкую проволоку, крепившую его к потолку; именно благодаря ей странное балансирование оказалось возможным.

Она не могла припомнить, видела ли она когда-либо что-нибудь столь же ужасное и прекрасное одновременно. Из животного изготовили чучело в натуральную величину, зафиксировав его в позе, которую оно само никогда не смогло бы принять.

– Неужели это настоящий единорог?

– Последний экземпляр, – ответил Финниан.

Фурия и Изида обменялись взглядами.

– Изготовление чучел – второе страстное увлечение Мардука наряду с библиомантическими редкостями. – Финниан, казалось, хотел скорее оставить позади это помещение, но Фурия с Изидой не двигались с места. Они в оцепенении взирали на единорога, парившего перед ними в высоком зале.

– Он набивает чучела? – вырвалось у Изиды. – Из экслибров?

– Человекоподобные экслибры его не интересуют. Только звери.

Фурию не покидало чувство, что пора куда-нибудь смыться, так как Изида, не ровён час, взорвётся.

– А в курсе ли его партнёры в Академии? – спросила экс-агент.

– Тебе лучше знать, – возразил Финниан. – Ты на них вкалывала, не я. – На минуту показалось, что он хочет схватить Изиду под локоть и потянуть за собой. Но, несмотря на упадок сил, она могла бы ему одним махом перебить кисть руки. – Давай, не вечно же пиявки будут их удерживать. В любую минуту здесь может нарисоваться патруль.

Он повёл их с крыши сквозь лабиринты коридоров и дворов окольными путями. Библиотека располагалась всего в двух шагах. За стенами раздавались отчётливые голоса мужчин – смесь проклятий и полных отвращения возгласов. Они, видимо, пытались одолеть нашествие пиявок.

Потолок помещения, составленный из грязных стеклянных вставок, был похож на купол зала ожидания на каком-нибудь старинном вокзале.

Тусклое уличное освещение позволяло различить решётку, установленную над стёклами. На длинных проводах болтались лампы, но все они были выключены. Внезапно сработал детектор движения, от которого вспыхнул целый ряд точек-лампочек, заливших самые невообразимые артефакты ярчайшим белым светом.

Запертые в витринах и стеклянных ящиках дюжины чучел-экспонатов – в большинстве своём звери и сказочные существа – Фурия не могла сопоставить ни с одной определённой книгой. Вот – крокодил ростом с ребёнка, покурывающий трубку и стоящий на задних лапах под зонтиком. А вот – с головы до ног увешанная драгоценностями медведица, рассматривающая себя и двух своих малышей в высоком зеркале в стиле ар-нуво. Вот – лев, восседающий на троне, словно король, в короне из оленьих рогов. Здесь же – жуткая парочка зайцев, одетых как бойцы-боксёры; две обезьяны, разыгрывающие за столом партию в покер; зебра, навсегда застывшая во время галопа по саванне. Все эти звери отличались от их обычных соплеменников. У обезьян были накладные крылья летучих мышей, у льва – шесть ног, у зайцев – человеческие руки. Громадные лебединые крылья на хребте зебры выглядели так, словно они в следующий миг вознесут её ввысь.

В стеклянных ящиках и на неосвещённых полках ждали своего часа другие образы. На стенах висели головы, привинченные к плоским блюдам – причудливые существа, частично с человеческими чертами. Воздух в зале был пропитан стойким запахом шерсти, химии и нафталина.

Финниан потянул Фурию за руку:

– Нам пора дальше!

Спотыкаясь в полутьме, она заковыляла следом за ним, ёжась под взглядом бесчисленных пар стеклянных глаз и прилагая немалые усилия, чтобы отвести взгляд от ниш с существами, изображавшими причудливые сцены. Ей давно было не по себе, а сейчас становилось всё хуже и хуже...

Перед ними выросли распашные ворота, ведущие во второй зал собрания. По сведениям Финниана, план Санктуария находился в подсобном помещении к третьему залу. Сам Финниан там никогда не был, но слышал об этом помещении от людей из банды Мардука. Кэт – единственная, кто однажды лицезрела всё изнутри. Тогда она пролезла сюда через люк в потолке во втором зале. Финниан приоткрыл дверь, чтобы заглянуть внутрь, но тотчас предостерегающе поднял руку.

– Что там? – Изида изнывала от нетерпения.

Он повернулся к своим спутницам и приложил палец к губам. С той стороны, откуда они пришли, долетел шум: в предыдущий зал подоспела толпа охранников, кто-то безуспешно тряс ручку двери, которую Финниан закрыл за собой украденным ключом. Один охранник по этому поводу грубо высказался, другие загоготали, и вся группа поспешила дальше, в направлении библиотеки.

– Вот и отлично, – сказал Финниан и прошмыгнул в ворота.

Следующий зал тоже наполняли витрины и шкафы, где содержались предметы из истории библиомантики – от авторучек, чернильниц и письменных принадлежностей исторических личностей до колоссальных печатных станков, на которых печаталась ранняя библиомантическая литература. Должно быть, с одной из таких полок Кэт и стащила мумифицированную руку какого-то библиоманта, которую отдала Финниану. Здесь хранились и кое-какие книги, но немного: для книг предназначалась отдельная библиотека. Они уже дошли до центра зала, как вдруг кто-то схватил Фурию сзади. Изида, предупреждая зашикав, потащила её к одному из шкафов.

– Финниан! – шёпотом окликнула она.

Тот оглянулся, перевёл взгляд, куда она указывала – к потолку, и прижался к полкам рядом с Фурией. Под куполообразным стеклом что-то подрагивало, едва различимое на фоне паутины из железных прутьев. Крошечное существо, не больше стрекозы. В следующий миг к нему присоединились ещё четыре точки – все на равных расстояниях друг от друга.

– Оригами, – прошептала Изида, – но не из наших.

Фурия думала, что они водятся только в книжных катакомбах их резиденции; первых оригами вывели её предки, чтобы те съедали пыль с полок. Правда, скоро Ферфаксы утратили контроль над своим детищем. Оригами принялись буйно размножаться и теперь ютились тысячами в бесконечных проходах. Позднее Ариэль и Изида приняли решение некоторых из них приручить и использовать как почтальонов. То, что и Мардук выдрессировал из своих оригами лазутчиков, явилось полной неожиданностью.

– Что-то уж очень много библиомантики, – заметила Изида, – такого здесь быть не должно.

– Ты мог бы нас о них предупредить! – шепнула Фурия Финниану с упрёком.

– А я и сам был не в курсе, – стал оправдываться он. – Вполне возможно, что Мардук выпускает их только здесь, в этих залах.

– Кэт о них тоже ничего не говорила, – произнесла Фурия задумчиво.

Стайка из пяти птичек-оригами проплыла высоко над их головами. Однако Фурия смогла различить их сложенные из бумаги контуры, заострённые крылышки и угловатые туловища.

Прежде чем Изида успела расстегнуть крючки на корсаже, Фурия, распахнув свою сердечную книгу, уже расщепляла страничное сердце. Между листами её тлели скрижали, напоминая металлический орнамент в огне кузнечного горна.

– Давай-ка этим займусь я, – предложила она Изиде и сосредоточилась на пяти крошечных точках под потолком.

Стайка как раз перестроилась, превратившись в широкий клин, и теперь пошла на снижение.

Во время чтения сокровенных слов внутри страничного сердца у Фурии перехватило дыхание, и потому читала она так тихо, что даже стоявший рядом Финниан ничего не мог разобрать.

Птичку в центре охватило пламя; она качнулась к соседке – огонь перекинулся и на неё. Спустя две секунды полыхала уже и третья. Обе крайние яростно затрепыхались влево и вправо. Сосредоточившись на одной из них, Фурия мысленно сама обернулась в вихрь жара, она взметнулась к потолку, но промахнулась на волосок, недооценив изворотливость маленькой шпионки. Впопыхах она прыгнула вперёд и, как только опять увидела птичку над собой, прочла следующую сентенцию из страничного сердца.

Птичка-оригами, потрескивая, исчезла в необъятном облаке дыма, из которого тотчас же посыпался пепел. Теперь оставалась последняя.

Изида устремилась было за ней, но её опередила Фурия:

– От меня не уйдёт!

Оригами поспешила к закрытым воротам во второй зал. Будь она чуть побольше, с обычную птицу, ей ни за что бы не пролететь через крошечный проём наверху, между створками. Но она именно туда и держала курс: её миниатюрность позволяла такой манёвр. Фурия метнула ей вслед языки пламени, как стрелы из арбалета. Но ещё до того, как последний удар пришёлся по косяку, она поняла, что промахнулась. Оригами просочилась в узкую щель и была такова.

Фурия с проклятиями ринулась к воротам, хотела было рвануть их и продолжить преследование бумажной птички в другом зале. Но было слишком поздно: Финниан и этот переход запер за собой на замок. Она бросила виноватый взгляд назад, на Изиду. Та только пожала плечами:

– Идём. Нам надо поторапливаться! – Наверное, от усталости ей было уже не до упрёков.

– Но она предупредит людей Мардука!

– Да они и без того уже давно знают, что книжная пиявка здесь лишь для отвода глаз. – Финниан поглядел на свои наручные часы. – Мы слишком припозднились. Кое-кто из них, должно быть, уже принялся обшаривать каждый уголок на предмет непрошенных гостей.

Через несколько секунд они стояли перед воротами в третий зал.

Глава седьмая

В полёте Кэт успела рассмотреть то место, через которое однажды проникла в укрепление Мардука. Тогда, глубокой ночью, она пришла сюда пешком по крышам. С тех пор над стеклом установили сплошную решётку. Она изрыгнула витиеватое проклятие в адрес Мардука, этого места и вообще всего дурацкого плана.

– Давай вернёмся, – предложила Саммербель.

Кэт покачала головой:

– Там, внизу, Финниан.

– Фурия с Изидой его как-нибудь с собой захватят, если им придётся сматываться.

Что-то в голосе Саммербель заставляло Кэт прислушаться. Как будто втайне она разделяла её тревоги.

Обычно крыши трёх залов находились под охраной, но подчинённым Мардука пришлось убрать и этих людей. Из другой части бастиона слышались перебивающие друг друга голоса. Кэт задавалась вопросом: сколько ещё времени банда потратит на пиявок?

Внезапно Саммербель сделала крюк и замысловатыми зигзагами устремила прямо на пограничный фронтон. Там, наверху, Кэт заметила ещё один призрак – фигуру с ружьём. Упорно сопротивляясь встречному ветру и на лету расцепляя распушившиеся страницы своей сердечной книги, Саммербель выпустила завесу из танцующих букв, которая обволокла стрелка. В пустоте просвистел выстрел. Оказавшись у цели, Саммербель размахнулась для удара и на полной скорости врезалась в месиво из слов. Секунду спустя что-то глухо грохнуло, раздался вопль, сверху по дуговой траектории пролетело ружьё, а за ним – стрелок, соскользнувший вниз по скатам и исчезнувший за остроконечной крышей. Облако из букв взорвалось и поблёкло.

– С тем же успехом мы могли бы прилепить мишень себе на лоб! – прокричала Саммербель, вернувшись к Кэт.

– Можешь сломать решётку? – спросила та без предисловий.

Библиомантка пошла на спуск, пока не остановилась на высоте человеческого роста над крышей. Сверху три зала напоминали старые фабричные цеха. Каждая из куполообразных стеклянных крыш была размером с баскетбольное поле. Сверху паутина решёток, покрывавших стекло, выглядела филигранно, вблизи же становилось ясно, что это всего лишь громоздкая конструкция из стали. Металл и стекло под ним находились друг от друга на расстоянии примерно полуметра.

– Если ломать сверху с помощью библиомантики, обвалится полкрыши, – сделала заключение Саммербель после короткого осмотра. – Тогда, даю голову на отсечение, сюда сбежится вся банда. А кроме того, ещё не факт, что это сработает. Стекло-то разобьётся, а вот решётка, может, так и останется. Не говоря уже о том, что это будет катастрофой, если Финниан и компания уже там, внизу.

Кэт на минуту задумалась:

– А ты можешь... как бы это сказать?... её разогнуть?

Саммербель спустилась ещё ниже, присела на своём букборде на корточки и нагнулась так, чтобы дотянуться до металла. Подпорки у решёток были толще её пальцев. Она выпрямилась и вздохнула:

– Просто забудь.

– Ты ведь говоришь так не потому...

– Если бы я могла помочь девочкам и Финниану, я бы помогла!

Никогда ещё Кэт не видела её в таком раздражении.

– Ты тоже волнуешься за него, – произнесла она тихо.

Ровно столько, сколько необходимо, чтобы набрать воздуха в лёгкие, Саммербель уклонялась от её взгляда, потом взяла себя в руки и кивнула:

– И за него, и за Фурию. У неё ещё мало опыта, и я с самого начала была против того, чтобы брать её с собой.

Она вновь скользнула взглядом по полукружью решётки, похожему на холм из стали и стекла. И вдруг зажмурилась:

– Погоди-ка.

Кэт пружинила коленками, чтобы, в случае чего, совершить на своём букборде крутой поворот.

– Что там? Опять эти?

Саммербель медленно двинулась вперёд. И, пролетев пару метров, снова замерла. Кэт пыталась отследить, куда она смотрит, но так ничего и не поняла.

– Вон там! – Вытянутой рукой Саммербель показывала на макушку купола.

Очевидно, в дополнение ко всем прочим достоинствам, у неё было ещё на зависть острое зрение. Кэт проскользнула рядом с Саммербель и всмотрелась в том же направлении. Ничего, ноль. Только квадратные поля решётки – одно рядом с другим, каждое величиной такое же, как и окна под ними.

– Пожалуй, надо взглянуть. – Саммербель полетела дальше и принялась внимательно изучать конструкцию.

Из близлежащих переулков доносился гвалт людских голосов. Во флигеле библиотеки царило волнение, словно перед бунтом. Кэт держалась рядом, пока они ни достигли гребня купола. Под ними во всех направлениях раскинулась железная сеть, выверенная до миллиметра, как бумага в клеточку.

– Вот что я имела в виду. – Саммербель подлетела так низко, что раскрытая обложка её букборда легла прямо на распорки.

Теперь Кэт тоже разглядела. Просто невероятно, что Саммербель обнаружила обе петли с такого большого расстояния. Они располагались на одной стороне квадратного поля решётки и были диаметром самое большее с палец.

– По-моему, это лаз для стекольника или рабочих, выполняющих какие-нибудь профилактические работы, – заявила Саммербель.

Вот почему решётка отстояла так далеко от стекла! Это давало рабочим возможность пролезть под неё на животе и подползти к тем местам, к которым изнутри павильона можно было подобраться, лишь возведя дорогие леса. С обратной стороны железного квадрата висел увесистый замок, если им удастся его открыть, они смогут откинуть лаз в решётке вверх, словно дверцу люка.

– Справишься? – спросила Кэт.

Саммербель потрогала замок рукой:

– По виду – обычный механизм. Я могу попробовать взорвать его изнутри и, если повезёт, не задену ничего другого. В раздумье она провела кончиком языка по резцам, потом добавила: – Займёт, наверное, чуточку времени. Прикрой-ка меня.

Родители Кэт, оба библиоманты, так и не оправились от своего открытия, что их единственная дочь напрочь лишена библиомантических способностей. Как бы Кэт прикрыла Саммербель, явись сюда команда Мардука, оставалось для неё загадкой.

– Одним окном внизу нам придётся пожертвовать, – задумчиво сказала Саммербель.

– Но это лучше, чем полкрыши. – Кэт почувствовала, как учащается её пульс и становится даже быстрее, чем во время погони по крышам.

В плоском рюкзаке она держала воровской набор, где среди прочего были также стекло-рез и вантуз. С отдельными окнами она как-нибудь разберётся.

Саммербель сошла с букборда на ближайший отсек решётки и положила свою раскрытую сердечную книгу рядом с замком.

– Ладно, – сказала она. – Давай попробуем.

Глава восьмая

– Погодите! – приказала Изида, предостерегающе подняв руку. – Здесь...

– Ловушка? – Фурия закончила предложение с уверенностью заядлой читательницы, знавшей это слово из сотен прочитанных книг. Одновременно она почувствовала, *что* имела в виду Изида: воздух был пронизан библиомантической энергетикой, даже свет приобрёл окраску пожелтевших книжных страниц.

Обе посмотрели на Финниана, который остановился как вкопанный рядом с ними в конце третьего зала. Казалось, он что-то хотел сказать, в отчаянии подыскивая подходящие слова, и смотрел с беспомощностью ребёнка, который не мог понять, что с ним происходит. Внезапно Фурия вспомнила, что этот взгляд она уже однажды встречала: полгода назад, когда отца Изиды поставили перед фактом, что его воспитанница – тоже экслибра. Тогда само прошлое подверглось изменению, а с ним и память Целестина. Никому не под силу просто смириться с чем-то подобным. Человеческое сознание не приспособлено для того, чтобы поверх старых воспоминаний записывать новые. Без сопротивления согласиться с манипуляциями над собственным мозгом выше человеческих сил.

Но они это выдержали, и теперь Фурия начала догадываться, *что* творилось в душе у Финниана. Она поспешила к нему, взяла за руку и попыталась поймать его пылающий взгляд.

– Финниан, что происходит? – спросила она несколько заговорщически.

– Здесь что-то... не так, – выдавил он, запинаясь.

Она встревоженно принялась искать признаки перемен. Ведь Фурии самой удалось всего лишь благодаря пустяковому делу – это она сподвигла Зибенштерна в девятнадцатом веке написать историю девочки на границе света и тьмы – изменить прошлое. Поэтому в настоящем Изида сделалась той самой девочкой, экслиброй из книги Зибенштерна. Фурия думала, что изучила последствия своей манипуляции, но, видимо, она что-то упустила. И чем дольше она об этом размышляла, тем отчётливее ощущала, *что* имел в виду Финниан, когда говорил: «Такое чувство, будто незримые работники сцены передвигают кулисы памяти и подтасовывают реквизиты».

– Мардук... – прошептал Финниан. – Он экслибр... и библиомант!

«*Но ведь это... невозможно...*» – по-видимому, хотела сказать Изида, как вдруг взгляд её тоже окаменел, и ей внезапно стало ясно, что она сама являет живой пример противоположного.

Экслибры не могут быть библиомантами – в мире библиомантики это было некогда незыблемым правилом. Все думали, что Изида – единственное исключение из него. Теперь же непреложность этого закона поблела, и на его место заступил другой: экслибры, естественно, могли обладать библиомантическими способностями. Любые другие воззрения, которые они исповедовали, в мгновение ока обернулись в абсурд. Но остатки их прежнего знания ещё имели силу, напоминая строчки прочитанной страницы, просвечивающие сквозь пергамент новой. Не всё было забыто. Наверное, этого никогда и не случится, ведь все до сих пор смутно припоминали, что и Изида некогда была человеком, не экслиброй. У них складывалось впечатление, словно прошлое менялось на глазах. И шаг за шагом проявлялись последствия этих изменений.

– *Мардук – библиомант!* – Изида беззвучно шевелила губами. – Им он был *всегда*.

И это меняло всё. Их план становился макулатурой, а их цель, по всей видимости, – недостижимой. Таковы последствия несостыковок при вторжении в ход времени: осознание перемен приходит не сразу. Только уткнувшись носом в факт перемен, можно постичь правду. Так было с Целестином: ему пришлось признать, что многое из того, что он приписывал своей воспитаннице, больше не соответствовало действительности. Так же обстояло и с ними. Фин-

ниан был первым, кто это заметил, а теперь пришёл черёд Фурии с Изидой понять, что без всякой подготовки в их игру приходят новые правила.

Экслибры могут быть библиомантами!

– Вот чёрт!.. – прошипела Фурия, едва обнаружив первые последствия этих перемен.

Кэт рассказывала об одной двери в сокровищницу, о тяжёлой стальной перегородке в задней стене третьего зала. За ней – и это Финниан втолковывал им уже несколько недель подряд – хранились жемчужины коллекции Мардука. Самым ценным среди них был план Санктуария. Теперь же перед ними была всего-навсего простая деревянная дверь, за которой можно было увидеть самое большое – чулан, а вовсе не сокровища короля преступного мира Мардука. Любой взломщик мог бы скovyрнуть замок простым куском проволоки, если бы не аура этой двери, не излучение такой мощной библиомантики, что на какой-то момент у Фурии заплесали буквы перед глазами.

– Всё это очень нехорошо, – прошептала в тревоге Изида.

– Справишься? – спросила Фурия.

– Надеюсь. – Изида сделала пару шагов вперёд, пока не оказалась на расстоянии примерно двух метров от двери. Она медленно вытянула руку, держа ладонь так, будто уже касалась ею дерева.

– Из соображений безопасности Мардук обклеил её изнутри страницами какой-то книги. – Она закрыла глаза и сконцентрировалась. – Не могу только понять какой. Если бы это знать, было бы проще.

– А вот я вообще ничего не ощущаю, – заявил Финниан голосом, снова звучавшим по-прежнему. Первое потрясение он пережил и постепенно приходил в норму.

– Есть у Мардука любимая книга? – поинтересовалась Изида.

– Со сказочками, которые он читает на ночь своим головорезам? – усмехнувшись, ответил Финниан.

– Если он настоящий библиомант, – сказала Изида почти по слогам, как будто вообще с трудом допускала такую вероятность, – тогда у него должна быть сердечная книга.

Фурия прислушалась:

– Уж не думаешь ли ты, что он выдрал страницы из своей сердечной книги и оклеил ими дверь?

Петушинная книга затрепыхалась у неё в руке. Складчатая шея гордо распрямилась, вытянувшись из обложки во всю длину.

– Ни один уважающий себя библиомант не решился бы...

– Хозяин этого дома – не обычный библиомант, – перебила её Изида. – Он экслибр. И если я не ошибаюсь, – она на минуту снова собралась с мыслями, прощупывая своими сенсорами буквы на обратной стороне двери, – экслибр, выпавший из своей собственной сердечной книги.

– Неужели такое бывает? – потрясённо спросила Фурия.

– Эти страницы на двери... они насыщены библиомантической мощью. Такое под силу лишь тому, кто им необычайно близок. И вряд ли было бы достаточно, чтобы это были просто страницы из его любимой книги. Теперь мне почти ясно: да, это страницы из его сердечной книги! Складывается впечатление, что Мардук *сам* стоит за дверью собственной персоной.

Финниан окинул взглядом зал позади них. Полки, полные выставочных экспонатов, заслоняли вид на проход в центральный павильон, куда улетела от Фурии последняя origami.

– Их уже предупредили. И они наверняка уже на пути сюда.

Хотя ворота они закрыли, но массивному натиску вряд ли дали бы отпор.

– Я беру их на себя. – Фурия с такой силой тряхнула петушиную книгу, что шея той стала раскачиваться из стороны в сторону, а из клюва вырвался шквал проклятий.

Высокие скулы Изиды обозначились, казалось, ещё резче обычного.

– Удерживайте их как можно дольше. Мне нужно только немного времени, а дверь я обязательно открою. Может, Мардук и силён, но вряд ли он в состоянии выдумать какое-нибудь препятствие для экслибры Зибенштерна.

По крайней мере, им было ясно, что Мардук не был экслибром из романов Зибенштерна. Большинство из них Фурия к тому моменту уже одолела, не исключая и плохих, залатав пробелы собрания в библиотеке резиденции экземплярами виллы Анжелосанто. Упоминания о Мардуке⁷ не было нигде. Скорее всего, имелось в виду имя одного из божеств Древнего Вавилона, и очень возможно, что Мардук как раз и был этим божеством, выпавшим в убежища из собрания мифов.

Очень кстати пришлась и связь Мардука с Академией. Легенда повествует о том, что люди хотели добраться до неба и для этого строили Вавилонскую башню, чем разгневали Бога. Тот разрушил башню и проучил людей за богохульство: все народы, говорившие на едином языке – загадочном языке Адама⁸, отныне перестали друг друга понимать. Адамов язык постигло забвение, а взаимопонимание между народами исчезло, освободив место подозрительности и спорам.

Название Адамантовой Академии, согласно легенде, произошло от аккадского языка, на котором говорили в Вавилоне, и, очевидно, имело символическое значение и означало правительство, объединившее всех библиомантов, как это некогда делал праязык.

Изида подобралась к невзрачной дверце ещё ближе.

– Там кто-то живёт...

Финниан наморщил лоб:

– Он что, запер там кого-то? Как нарочно, именно со своим бесценным старьём?

– Может, это заключённый, – выразила предположение Изида. – Но, скорее всего, охрана. Финниан, пойдика с Фурией обратно к воротам и помоги ей подольше удержать там шайку Мардука. – Она достала из ранца серебряный автоматический пистолет и протянула ему: – Вот, держи.

Он скривил рот, проверил, снят ли предохранитель, и помчался с Фурией к воротам.

Через несколько секунд троица стояла перед закрытыми воротами во второй зал. В замке, скреплявшем две высокие створки, торчал тяжёлый ключ, вставленный Финнианом. Голоса, всё это время раздававшиеся со стороны библиотеки, делались всё отчётливее.

– Теперь надо действовать! – Фурия раскрыла петушиную книгу. – А ну убери башку!

Длинная шея съехала в гармошку, так что из обложки продолжал торчать только жёлтый кончик клювика.

– Нет у меня никакой башки, – оскорблённо заметила книжка. – Один только клюв!

Фурия положила раскрытый томик на пол и опустилась перед ним на корточки. Хотя Саммербель научила её расщеплять страничное сердце одной рукой, надёжнее был давно отработанный метод: поднимаешь страницу, зажимаешь её обеими ладонями, потом медленно разводишь руки, и лист начинает расщепляться на два слоя, между которыми золотисто-белым светом сквозь бумагу сияет страничное сердце. При этом проступают письмена, литеры какого-то языка, которого Фурия не знала, но всё же могла без усилий прочесть.

Когда она, сконцентрировавшись, проделала всё это, дверной замок охватило сияние сердечной книги, проникнув в замочную скважину и через секунду вернувшись обратно. По периметру обеих створок ворот, словно по следу бензиновой струйки, побежал огонь, устремляясь к углам, и вернулся к замку. Правая створка оказалась окаймлена сверкающим пламенем.

В зрачках Финниана отразился яркий свет.

⁷ Мардук – верховное божество Древней Месопотамии (*греч.* «*Междуречье*»), бог-покровитель города Вавилон (основан во II тысячелетии до н. э.). Празднества в его честь проводились с огромной пышностью.

⁸ Язык Адама – первый язык, на котором говорило всё человечество; считалось, что он был наделён совершенством и таинственностью.

– Это их задержит?

– Не вечно. Может, на некоторое время.

Фурия и сама толком не знала, что делает. До сих пор она проводила похожие опыты, лишь вознамерившись спокойно почитать в своей комнате, – тогда она иной раз запирала дверь подобным образом. Только вот опаснейший проныра, которого она таким образом не хотела пускать в комнату, был её брат Пип, а совсем не орда оголтелых уголовников.

Топот бесчисленных ног во втором зале становился всё отчётливее. Перед входом уже были слышны голоса.

Обеими руками Финниан навёл пистолет на ворота. Фурия посмотрела в глубь зала. Изиду и дверь в соседнее помещение загоразивали полки со стаканами, коробками и ящиками.

– Изида! – окликнула она, но не получила ответа.

Чья-то рука уже трясла ворота снаружи.

– Изида!

Раздался сильный удар, как будто кто-то навалился всей тяжестью на ворота. Правая створка задрожала на петлях. Окаймляющая древесину полоска света слегка задрожала и успокоилась. Верхняя часть обложки петушиной книги чуть приподнялась, и, забившись под неё, клюв обратил шею к Фурии.

– Ещё минут пять, – прокряхтел голос. – Ну может, шесть. Но ни в коем случае не дольше.

Лицо Финниана стало менее напряжённым. Пока что ему ещё не надо было стрелять в тех, с кем он вместе прожил три месяца.

– Изида! – бросила Фурия через плечо. – Как там у тебя?

Снова никакого ответа.

– Что она там затеяла? – встревожился Финниан.

Фурия лихорадочно соображала, что предприняла бы она для отражения налётчиков. Но библиомантика – не кулачный бой, даже если порой его напоминает. Это сила, связывающая воедино книги и их читателей, и применять её для причинения вреда людям – значит идти против природы. Иногда Фурия сопротивлялась этому закону, что и провоцировало ошибочные удары. Без особых усилий она могла создать пригоршню впечатляющих, но безобидных иллюзий, но они едва ли напугали бы приспешников Мардука. Всё остальное требовало большей сноровки и дерзости. Изида и Саммербель довели это искусство до совершенства и теперь имели дело с последствиями. Фурия же была к этому готова лишь в известных пределах.

Финниан громко выругался. Но прежде чем девушка поняла, что его так взволновало, петушиная книга пронзительно завизжала:

– Унеси меня отсюда! Скорее!

Из-под створок ворот показались извивавшиеся пиявки, белые, как макароны, чуть короче пальца. Вначале их было только две, потом – полдюжины, и в конце концов стало так много, что Фурия не могла их сосчитать. Первые уже подкрадывались к петушиной книге, лежавшей по-прежнему с распахнутым разворотом на полу. Горящее страничное сердце удерживало блокировку двери, тогда как сама книга дрожала от страха.

Финниан расплющивал пиявок своими подошвами, но даже после этого их неповреждённые остатки поворачивали и ползли по направлению к петушиной книге. Фурия подхватила её с пола, позаботившись о том, чтобы страничное сердце не захлопнулось. Ведь стоит прерваться библиомантическим потокам, как дверь сразу же разблокируется. Люди с противоположной стороны были, конечно, в курсе этого, они не без умысла просунули через щель пиявок.

– Хотя и преступники, а не дураки, – заметил Финниан.

Фурия огляделась. Поскольку книг на полках было совсем немного, пиявки не могли здесь особенно напакостить. По всей видимости, люди Мардука готовы были смириться с этими потерями, лишь бы захватить незваных гостей.

– Здесь есть ещё один выход?

– Насколько мне известно, нет. Даже на стеклянную крышу после вторжения Кэт они установили решётку.

Фурия порывисто стряхнула копошащихся пиявок, которые, словно шевелящиеся пальцы, начали было карабкаться по её штанине. Петушина книга тряслась у неё в руках, но мужественно сохраняла силу страничного сердца. Снова раздался грохот от ломившихся в дверь тел. Сияние вокруг створки слегка дрогнуло и опять успокоилось.

И Финниану пришлось в очередной раз направить свой пистолет на ворота. Теперь они находились в пяти шагах. Дюжины книжных пиявок кишели перед ними на полу. Большинство из них двигались в сторону Фурии.

– Мы долго не продержимся! – снова крикнула она через плечо. – Изида! Ты там скоро? На этот раз до неё долетело нечто похожее на оханье.

– Ладно. – Приняв решение, Фурия обратилась к петушиной книге: – Если ты закроешь страничное сердце, на сколько ещё хватит блокировки?

– Ненадолго, – крикнула книжка.

– А точнее?

– Может, минуты на две, может, на пару секунд. Почём я знаю?

– Приехали, – констатировал Финниан.

– Изида! – рявкнула Фурия через плечо. – Мы идём к тебе. У тебя в распоряжении одна минута!

Вдруг послышался треск. Сначала Фурия подумала, что это Мардукова банда, окончательно снёсшая ворота с петель. Но шум раздался с другой стороны.

Финниан стёр левой рукой пот со лба, правой по-прежнему целясь в ворота.

– Похоже это на то, что мы прорвались?

Снова раздалось дребезжание стёкол, на этот раз такое громкое, словно обвалилась часть крыши. По петушиной книге пробежала дрожь.

– Сюда! – крикнула Изида. – Скорее!

Фурия и Финниан издали вздох облегчения.

– Или нет... Стоп, не подходите!

Приняв решение, они переглянулись и ринулись к Изиде. На бегу Фурия захлопнула петушиную книгу. Контакт с воротами прервался. Краем глаза она заметила, что светящиеся линии начали мерцать, словно неисправные неоновые трубки. С противоположной стороны снова кто-то наскочил на дверь. От волнения у Фурии перехватило дыхание. Дальнюю часть зала стал наполнять странный запах.

Выпрямившись, Изида стояла перед сокровищницей Мардука и смотрела вглубь. Дверь сорвало с петель. Вокруг остова дверного косяка плясало пламя, и лишь спустя несколько мгновений Фурия поняла, что под ним горели книжные страницы, которые предохраняли вход, – страницы из сердечной книги Мардука. По крайней мере, теперь, где бы ни находился Мардук, он должен был почувствовать, что ситуация в его штаб-квартире вышла из-под контроля.

– Идите... назад, – выдавила Изида, едва переводя дух.

– Они сейчас заявятся, – отвечала Фурия. – У нас больше нет времени!

Слегка поколебавшись, Фурия с Финнианом продвинулись ещё немного и, миновав Изиду, заглянули в крошечное помещение. Колючий запах перекрыл запах гари обуглившихся страниц сердечной книги.

«Там кто-то живёт», – решила Изида.

Площадь комнаты с низким потолком и тёмными кирпичными стенами едва ли была больше двадцати пяти квадратных метров. Под стеклянными витринами на низких постаментах стояли ничем не примечательные предметы: на одном – старинная книга в кожаном переплёте, на другом – остатки какой-то каменной плиты. В третьей витрине стоял сосуд, кото-

рый, по всей вероятности, был урной. Прочие экспонаты из частной экспозиции Мардука из-за слабого освещения рассмотреть было почти невозможно. Единственным источником света служила чаша с разведённым в ней огнём, находившаяся в самом центре комнаты, также на постаменте. Бело-жёлтое пламя полыхало так ярко, словно его только что разожгли.

– Открытый огонь! – воскликнул Финниан. – Здесь?

Изида кивнула:

– Он уже горел, когда вывалилась дверь.

Позади них снова усилился стук в ворота.

– Но это не простой огонь. – У Изиды перехватило дыхание; удивительно, что она вообще ещё могла стоять на ногах.

– Где план? – спросила Фурия.

Изида указала на пламя:

– Наверное, там, за ним, с прямо противоположной стороны помещения.

Фурия отчаянно всматривалась в сияние, но что там такое было в темноте, по ту сторону пламени, разобрать не смогла. Желание проникнуть в комнату, обойти чашу с огнём и захватить план Санктуария на миг пересилило все остальные. Тем не менее голос разума заставил Фурию задаться вопросом, действительно ли это её собственное желание или же скорее здесь таилось что-то подстёгивавшее на этот шаг. Воздух в комнате был настолько насыщен библиомантикой, что она не могла определить, где кончались её силы, а где начиналась чужая энергия, которая здесь давно нагнеталась.

– Нам туда нельзя! – предупредила Изида в то время, как остальные не могли отвести взор от неприметной комнаты. – Здесь что-то такое старинное и сильное, что это нас...

В это мгновение огонь, шипя, взвился до потолка, вырвался из чаши и спрыгнул, словно зверь, на землю. Здесь он начал раздуваться, выпустил огненные отростки и наконец сооткался в образ из языков пламени, очертаниями похожий на человека, но без лица. Устрашающий, словно вырвавшийся из бутылки разгневанный джинн, более двух метров росту.

– Я Форнакс⁹, – зарокотало раскатистое эхо, – бич великих библиотек¹⁰. Я – Александрийское пламя.

⁹ Форнакс (от *лат. fornax*) – «печь».

¹⁰ Аллюзия на череду пожаров в знаменитой Александрийской библиотеке.

Глава девятая

– Ну ла-адно... – протяжно выдохнула Фурия, и прозвучало это так, словно из её лёгких вышел весь запас воздуха. – К чёрту это Александрийское пламя!

– Александрийское, – поправила Изида беззвучно.

– Нет ли стиха, который так называется? – Фурия вспомнила о мистере Теофиле и его уроках по стихосложению¹¹ – просто чушь какая-то, как и всё остальное, что ей здесь и теперь при виде огненного существа пришло в голову.

– Неужели это тебе кажется похожим на... стих? – спросил Финниан.

– А на что же это, по-твоему, похоже, господин угадайка? – невольно вырвалось у Фурии, о чём она уже в следующую же секунду пожалела. Для того чтобы они сегодня оказались здесь, Финниану пришлось взвалить на себя всю подготовку, и если он слыхом не слыхивал об александрийском стихе, то его вины в этом не было. Вероятно, кроме Мардука едва ли кому-нибудь известно, кто скрывается в этой комнате и охраняет сокровища.

– Форнакс, – обратилась Изида к существу, – что мне сделать, чтобы ты позволил войти?

– Я – бич великих библиотек! – возопило огненное существо. – Я Александрийское...

– Да, да, – ответила Фурия нетерпеливо, – это мы уже поняли.

В её руках книга трепетала от страха, ведь книжные пиявки подползали всё ближе.

Изида искоса бросила на Фурию потрясённый взгляд. Возможно, в нём была тень упрёка. Но, по мнению Фурии, они зашли уже чересчур далеко, чтобы теперь заниматься какой-то бесполезной дипломатией.

– Ты *был* бичом великих библиотек, – Фурия сделала отчётливое ударение на слове «был», – но теперь ты таковым не являешься. Ведь иначе ты бы не сидел взаперти в этой дыре. Да ещё и в роли книгохранителя.

Пусть даже её решительность была напускной, теперь-то она не спасует. Они с Изидой могли ещё унести в безопасное место с помощью книжного прыжка – необходимые книги они носили с собой – или же открыть ворота обратно в библиотеку резиденции, правда, с несколько бóльшими временными затратами.

За их спиной какая-то громадина долбила по воротам, сейчас это было подозрительно похоже на таран. Может, вагонетка, которую бандиты объединёнными усилиями швыряли на деревянные створки?..

– А ны-ы-ыне, – начал Форнакс, протянув это «ы» так, словно угодил своей огненной стопой в лужу, – я охранник, это правда.

– Значит, ты – слуга Мардука?

– Его слуга? Ха! – Форнакс зафыркал и раздулся в три раза шире. – Я тот, кто некогда опустошил библиотеку в Александрии. Я проглотил все её рукописи, пока вонь от горящего папируса не прогнала из гавани последние корабли. Благодаря мне рассыпались в прах её крыши, в пыль – её колонны. Я поджарил учёных, как кроликов, и уничтожил летописи тысячелетней давности. Я стал закатом целой культуры, разрушителем античного знания. Я был бичом...

– Да, да, – перебила его Фурия, – всё так. Но теперь ты – раб Мардука.

– Ты здесь в заточении, – поддержала её Изида, – и не можешь нам причинить никакого вреда, пока мы не переступим через этот порог, – мыском сапога она провела незримую линию вдоль дверного порога сокровищницы. Фурия отметила, что Изида дрожала от измождения.

– Это что-то затянулось! – забеспокоился Финниан.

¹¹ Имеется в виду александрийский стих, французский двенадцатисложник, который получил широкое распространение в XVII в. и достиг расцвета в творчестве Ж. Расина и П. Корнеля.

– Конечно, затянулось! – кивнула Изида. – И мне очень любопытно, как ты собираешься ускорить решение проблемы?

Фурия не спускала глаз с Форнакса.

– Ты спалишь нас, едва мы войдём в твою тюрьму, так?

– О да! – Огонь загудел с наслаждением. – Сжигать! Поглощать! Вы погибнете ужасной смертью в огне! Как библиотекари Древнего Египта.

– Как же Мардук тебя заговорил? – спросила Изида.

– Заговорил? – Вдруг голос Форнакса зазвучал чуть ли не плаксиво. – Он меня нашёл! Захватил меня в плен! Мардук – жестокий тиран. Он угрожает меня загасить, если я ему не повинуюсь. Потому-то я и выполняю его приказы. О да!

Фурия глянула на Изиду:

– Будут какие-нибудь соображения?

Экс-агент раскрыла было рот, чтобы ответить, но её слова заглушил шум от натиска за воротами. И опять до них донёсся треск древесины. В том случае, если свора преследователей ещё не ворвалась, это произойдёт при следующей попытке.

Финниан сердито воззрился на Фурию с Изидой:

– Я не для того три месяца подряд батрачил, чтобы сдаться почти у цели.

Фурия покачала головой:

– Мы не сдадимся, – и, обернувшись к Изиде, добавила: – Ведь правда же?

Изида проигнорировала их, вытянула руку, и кончики её пальцев оказались точно на уровне порога. Форнакс, казалось, сейчас взорвётся. В мгновение ока он начал распухать, пока огонь не заполнил всю комнату, превратив её в шипящую жаровню, и остановился лишь у открытой двери. Было такое чувство, словно кто-то из глубины помещения выпалил по стёклам из огнемёта. Изида не убирала руку до тех пор, пока огненная буря не сбавила силу и не обратилась в маленький танцующий огонёк Александрийского пламени.

Торжествующий хохот наполнил помещение:

– Моя сила поглощает! Моя сила сжигает! Моя сила – сверхчеловечна!

Изида перевернула руку. Кончики пальцев покраснели, но ожогов не было.

– Во всяком случае, он – не иллюзия.

Они вошли в сокровищницу.

Фурия озабоченно нахмурилась, а Финниан принялся в тревоге оглядываться.

– Но почему там внутри ничего не сгорело? – спросил он. – Вся эта ерунда невредимо лежит на своих постаментах.

– О да! – ликовал опять Форнакс. – Александрийское пламя само определяет, кого и что ему уничтожить, – и, слегка понизив голос, добавил: – Боже упаси, никакой макулатуры – этого добра я объелся! Книги, свитки, папирусы – ничто из этого мой огонь не повредит. – Потом, словно опомнившись, что вследствие своего признания он станет менее страшен, он указал пылающим перстом на Финниана: – Но тебя, тебя я спалю до вонючих останков, человеке! А эти две будут гореть, аки ветви сухие. Ибо я есмь Форнакс, молния богов!

– Да ты просто хвастун! – парировала Фурия.

От следующего удара в ворота зазвенели склянки на полках. В надежде, что Изида что-нибудь придумает, Фурия решила потянуть время. Может быть, ей удастся отвлечь Форнакса.

– Для того, кто позволяет себя поймать и посадить под замок, что-то ты больно задаёшься! – крикнула она огненному существу. – Сколько ты просидел в этой дыре? Пару месяцев?

Форнакс выстрелил в потолок, словно гейзер. Вертикальное пламя окутало его огнедышащим столбом.

– Да неужели лет?

– Не дерзай насмехаться над кончиной целой эпохи, презренная! – вскипел он. – Закат Древнего Востока, опустошение ценного собрания рукописей! Я спалил в десять тысяч раз больше, чем всё, что ты прочла, ничтожная библиомантка!

Она не успела возразить, а за воротами на другом конце зала раздался вопль. Вначале Фурия решила, что это Мардукова банда, прорвавшая блокаду, но потом из одного крика родилось мощное крещендо многоголосого рёва, отдававшего болью и страхом смерти.

Под стеклянным куполом раздалось бульканье, как если бы из бутылки допивали остатки жидкости, и несколько секунд подряд казалось, что там, наверху, скрипят оконные рамы под натиском нового, невиданного напряжения.

В следующий миг крики резко прекратились, и над залом установилась устрашающая тишина. Фурия слышала только собственное дыхание в сопровождении бешено колотящегося сердца. Форнакс сморщился до фитилька величиной с ладонь и запрыгнул обратно в свою чашу.

– Что это было? – обескураженный происходящим, шёпотом спросил он.

Фурию не покидало чувство, что у неё что-то вырвали из груди, хотя и без боли, но так неожиданно, что она от страха закричала. Петушиная книга тоже громко застонала. Изида, зашатавшись, упала на колени. Один Финниан продолжал стоять на ногах, и тогда Фурия поняла, что случившееся его не задело. Что бы теперь ни происходило, это касалось только библиомантов или существ, порождённых библиомантической энергией.

– Да что же это, чёрт возьми, за... – начал было Финниан, переводя взгляд с Изиды на Фурию, но предложение так и не закончил.

Раздался звук ломающейся древесины, однако на этот раз более громкий, чем раньше, а за ним – оглушающий треск.

– Это были ворота! – Финниан вскинул пистолет и помчался к воротам.

– Назад! – Изида хотела было вскочить, чтобы следовать за ним, но уже на первом шаге поникла.

Фурия тоже ещё ощущала слабость: кто-то отнял у них часть библиомантической энергии. Она медленно стала восстанавливаться.

Голубые глаза Изиды были широко распахнуты. Встретившись с ней взглядом, Фурия в ужасе спросила себя: *«А вдруг Изида уже сдалась? Вдруг кто-то одним своим присутствием подавлял на корню всякий порыв к сопротивлению?»*

– Кто здесь? – спросила Фурия голосом, от которого сама же и содрогнулась. – Мардук? Изида покачала головой. Казалось, теперь Мардук – её самая незначительная проблема.

Форнакс стал размером с палец – крошечная полосочка света в полутьме сокровищницы.

– Чёртовы библиоманты, будьте вы трижды прокляты, – жужжал он себе под нос, – трижды, четырежды, пять раз! Убирайтесь! Не желаю иметь с вами никаких дел! Я – Александрийское пламя, бич Египта, всемогущество огня...

Он продолжал бурчать, но Фурия больше его не слушала. Надо было решать: оставаться ли здесь и ждать или следовать за Финнианом и выяснять, что там происходит. Но Финниан после окрика Изиды остановился. Спустя мгновение он вернулся и схватил экслибру под руки.

– Вставай, – сказал он. – Ты должна помочь Фурии вырваться отсюда! – Он тоже заметил пустоту в глазах Изиды.

– Прыгнуть я могу и одна, – заверила его Фурия.

– Нет! – возразила Изида. – Не сможешь, если он не захочет. – Она поднялась на ноги. – Он забирает у нас энергию и способен обратить её против нас.

Фурия сделала пару шагов, чтобы глянуть между полок на ворота. Но шкафы с библиомантическими реликвиями и артефактами по-прежнему загораживали вид. Чтобы что-нибудь разглядеть, необходимо было отойти от остальных на большее расстояние.

– Да кто же он такой? – Неведение злило её ещё сильнее.

Изида шла, шатаясь, но с каждым шагом всё бодрее и бодрее. Фурия сердито переводила взгляд с неё на вход в сокровищницу и обратно. За невзрачным входом теперь царил мрак, и лишь слабое мерцание выдавало, что Форнакс ещё теплится в своей миске. Она осторожно приблизилась – один шаг, потом ещё один.

– Он видит тебя. – Финниан шевелил губами почти беззвучно. Выражение его лица умоляло её отказаться от этой затеи.

Медленно Фурия наступила на незримый порог. Здесь ещё раз собралась с мыслями. Забравшийся в свою огненную раковину, Форнакс был немногим больше огонька от спички. Есть вероятность, что он её не заметит, если она проползёт по полу на четвереньках, а ещё лучше – на животе. В последний раз посмотрела она назад, через плечо. Финниан приближался, качая головой и всюю жестикулируя. Но было поздно. Если Изида теперь занята новым соперником, то кому-то из них надо позаботиться о плане Санктуария. А Финниан – не библиомант. Если кто с этим и справится, так только Фурия.

Она бросила взгляд на сердечную книгу. Клов тотчас повернулся в её сторону.

Финниан был уже почти рядом.

Откуда-то из-за полков Изида прокричала чьё-то имя, которое Фурия не расслышала.

Она медленно опустилась на корточки. Здесь и сейчас время уходит. Книга для прыжка торчала из набедренного кармана её штанов. Едва план окажется у неё в руках, она отнесёт его в безопасное место. Но что будет с Финнианом? Если Изиду что-либо задержит, Фурия – его единственная надежда выйти отсюда живым. Он протянул к ней руку. Желание удержать Фурию к его собственной безопасности не имело никакого отношения, она знала это. Как часто упрекала его Кэт за беспечность! А теперь речь шла о Фурии. Он считал, что она совершает огромную глупость.

Наверное, это уже не играло никакой роли.

Только она хотела переступить через порог, как вдруг прокатилась буря, разбросавшая постаменты с раритетами, словно домино, и прорывшая широкую траншею через весь зал. Разбивались склянки и сосуды, библиомантические реликвии кружились в воздухе, сквозь проём в стене во второй зал Фурия мимолётом увидела Изиду. И ещё одну фигуру. Не исполина, которого она почему-то ожидала, а просто человека в длинном пальто. И он глядел на Фурию. Не успели их взгляды пересечься, как до неё докатился ураган, подхвативший Финниана и бросивший его прямо к ней. Отчаянно крича, он столкнулся с Фурией и рухнул на пол перед хранилищем. Девушку же силой удара выбросило вперёд, в самое сердце окутанной мраком сокровищницы. Ударившись головой о постамент Форнакса, она чуть не потеряла сознание. Оглушённая, она перевернулась на спину, взглянула вверх и увидела края чаши, окаймлённой золотым светом пламени. Фурию вдруг обьяло волной жара: это Форнакс вспыхнул над ней и заполонил напалмом всю сокровищницу.

Глава десятая

Языки пламени взмыли к потолку и начали разрастаться вверх, заставляя вскипать даже воздух над Фурией. Она каталась по полу, не чувствуя ни боли, ни дурноты, и с тоской глядела на трофеи в глубине комнаты, одновременно сознавая, что ей туда ни за что не добраться. Её отделяли лишь несколько метров, дело пары секунд, но вскочи она сейчас, её охватит огонь и спалит заживо.

Оставив эту затею, она поползла по-пластунски обратно к двери, едва не ослепнув от пекла. Пахло палёными волосами, и, когда она поняла, что этот запах исходит от её головы, было уже слишком поздно. Фурия припомнила кое-что другое, её охватила паника, и с быстротой молнии она поползла обратно к колонне. Там, втянув шею глубоко в обложку, лежала петушиная книга, и в следующий миг её бы уже объяло пламя.

Схватив её, Фурия увидела, как дым поднимается от её рук, и метнула книгу через голову прямо в открытую дверь. Отчаянный крик петушиной книги предназначался ей, но осознала она это лишь через несколько секунд. От всего тела Фурии исходил пар. Под раздражённые вопли Форнакса она поползла к выходу и обнаружила Финниана, бросившегося к ней прямо в гущу жара. Он протянул руки к Фурии, схватил её и потянул к себе. Над ними пронеслась огнедышащая волна, опалив им одежду и волосы. Предупреждение, самое что ни на есть последнее.

– Никогда больше не возвращайтесь! – взревел им вслед Форнакс, едва Финниан перешагнул Фурию через порог.

В следующее мгновение она уже дышала прохладным воздухом. От огневого шторма, который их едва не уничтожил, здесь, снаружи, не было никаких следов. Руки Фурии стали красными, словно клешни рака, но всё обошлось без серьёзных ожогов. Кончики волос были опалены. От её одежды струился тонкий дымок. От Фурии так жутко пахло, что она и сама едва могла вынести эту вонь.

Теперь она и Финниан лежали рядом на спине.

– Изида? – выдавила она из пересохшей гортани и с усилием приподняла голову.

В сокровищнице опять воцарилась тишина. Форнакс сжался до крошечного фитилька, помещение погрузилось в полумрак с бронзовыми всполохами.

Охая, Фурия села. Её лицо и руки горели, как от сильного солнечного ожога – неприятно, но не очень болезненно.

Финниан вскочил на ноги и протянул ей руку. При этом он смотрел мимо неё, на ворота в зал. Буря улеглась, зато теперь в ноздри ударил острый запах: много экспонатов Мардук поместил в спиртовой раствор, вытекший из разбитых склянок на пол.

Зал выглядел как поле боя, хотя до последнего дело не дошло. Изида и незнакомец стояли в воротах друг против друга; разобрать, о чём они говорят, было невозможно.

– Что они там делают? – спросил Финниан.

– Пошли посмотрим. – Фурия двинулась вперёд.

Им пришлось обогнуть не опрокинувшиеся стеллажи. В центре зала груда мебели преграждала им путь, множество обломков похоронили под собой причудливые трофеи. Чем ближе они подходили к воротам, тем яснее становилось, что здесь произошло. По крайней мере, две дюжины людей Мардука неподвижно лежали на полу, многие – поверх тел других, с выкрученными суставами и широко раскрытыми глазами, расплюснутые и раскиданные, словно игрушки. Если кто из свиты Мардука и был ещё в крепости, так те, должно быть, обратились в бегство. Колокола тревоги больше не звонили, сирена тоже смолкла.

Пристально изучающих друг друга Изиду и незнакомца отделяли каких-нибудь метра полтора. К Фурии и Финниану библиомантка стояла спиной. Пришелец же – лицом, а потому

видел, как они подходят. По Фурии он лишь слегка скользнул взглядом, зато Финниана стал разглядывать внимательно.

– Значит, это правда, – обратился он к Изиде, – ты действительно с ними заодно.

– Как будто это для тебя неожиданность.

– Имелись кое-какие указания, неясные намёки в сообщениях об их последних диверсиях, но никаких доказательств. Ты основательно замела за собой следы, Изиде. Черты его лица сделались колючими. – Сколько наших тебе пришлось прикончить, чтобы никто не узнал, что ты теперь переметнулась на сторону этого сброда?

– Как ты нашёл меня?

Чужак извлёк скомканную оригами и щёлкнул по ней пальцами в сторону Изиды.

– Отловил. Иной раз мы всё же лучше, чем слава о нас.

Полы его длинного пальто из светло-коричневой замши доходили до голенищ. Штаны были из чёрной кожи, а под пальто – светлая рубашка и жилет терракотового цвета. Человека можно было бы принять за экслибра из какого-нибудь вестерна – состарившегося ковбоя с револьвером. К его поясу был пристёгнут чехол для сердечной книги, какой был когда-то у отца Фурии, а на шее красовался чёрный платок с брошью. У незнакомца были седые, доходящие до плеч волосы и белая щетина. Острое, но не сухое лицо, примечательное для его возраста атлетическое телосложение. На вид ему было, пожалуй, больше шестидесяти лет.

Относительно своего прошлого в качестве агента Изиде в последние месяцы упорно отмалчивалась и только в том случае делилась информацией, если она была полезна для успеха предприятия. Так им удалось воспользоваться неохраняемыми путями для бегства. Но людей, с которыми она имела дело долгие годы на службе в Адамантовой Академии, она никогда не упоминала.

Фурии вдруг стало ясно, что одной из причин молчания был этот человек.

– Изиде, – сказала она так спокойно, как только могла, – кто это?

Он тихо усмехнулся:

– Ты что ж, никогда обо мне не рассказывала? Не знаю, обижаться мне или восхищаться твоей лояльностью.

При слове «лояльность» выражение лица Финниана сделалось свирепым.

Фурия надеялась, что он не сделает попытки стрелять в чужака. Она ощущала могучий библиомантический поток, исходивший от него. Силой он превосходил её в несколько раз, а с ослабленной экслиброй Зибенштерна, пожалуй, мог бы вполне сравниться.

Когда же от Изиды не последовало никакого ответа на его слова, он добавил:

– Тебе не следовало нас предавать. Это было большим ударом. Для каждого из нас, но для меня – в особенности. Я до сих пор терзаюсь вопросом: как мог я в тебе так ошибаться?

– У меня не было иного выбора.

– У тебя было гораздо больше, чем только один вариант. У тебя было будущее!

Незнакомец снова покосился на Фурию:

– А сейчас чем ты можешь похвастать? Кучей детей на шее, убеждённых, что с помощью пары комариных укусов они устроят бунт. – Заметив, что Финниан хочет возразить, он холодно улыбнулся и приложил указательный палец к губам, беззвучно предостерегая: «И не вздумай!» И Финниан опустил оружие. Человек опять обернулся к Изиде: – И это то, чему ты их научила? Ты внушила им, что у них есть шанс?

Изиде посмотрела на Фурию.

– Уходите! – взмолилась она. – Уходите отсюда!

Фурия и Финниан устали сначала на неё, потом на незнакомца. Никто не тронулся с места.

– Эту парочку я могу отпустить, – сказал чужак, – в знак моей доброй воли.

Фурия глубоко вздохнула и посмотрела мужчине прямо в глаза.

– Кто вы такой?

Он смерил её взглядом со смешанным выражением насмешки и раздражения. Но, прежде чем он успел что-либо ответить, Изида опередила его:

– Аттик Арбогаст, мой наставник во время учёбы на агента. Мой... – прежде чем закончить фразу, она заколебалась и завершила её, несколько приглушив голос, – мой ментор в лице Ле Карре.

Фурия вопросительно повела бровью:

– Ваша школа агентов носит имя Джона ле Карре¹²? Автора шпионских романов?

– Мы – Академия, и ты нас не любишь, – ответил Арбогаст, – но книги мы любим так же, как ты. И, вне всяких сомнений, больше, чем он. – Аттик кивнул в сторону Финниана. – Тебе никогда не приходило в голову, что ты, барышня, может быть, связалась не с той компанией?

– Аттик Арбогаст! – повторил Финниан медленно. Его взгляд и тон были полны неприкрытой ненависти. Одним махом он вскинул пистолет и прицелился.

Ответный удар грянул с такой скоростью, что Фурия едва успела понять, что произошло. Взмахом руки Арбогаст отбросил Финниана назад и поднял в воздух. Казалось, некая невидимая рука всё сильнее сдавливала его горло. Руки Финниана судорожно хватились за шею, пытаясь освободиться, но не находили ничего, что они могли бы отбросить от себя. Так и повис он над полом, болтаясь в пустоте, словно в невидимой петле, свисающей с потолка. Его лицо сначала стало красным, потом посинело, выдавая сильное удушье. Мучительный хрип вырвался из рта, и сразу вслед за этим прекратилось паническое подрагивание ног.

– Аттик! Отпусти его! – крикнула Изида.

У Фурии молнией блеснула мысль: броситься к юноше и попытаться снизу поддержать его ноги. Но инстинкт опередил её: с вибрирующим клёкотом у неё в руке распахнулась петушиная книга и тотчас же расщепила страничное сердце.

Оценив её проворство, Арбогаст поморщился: поток смертоносной силы, без раздумий посланный в его сторону, вызвал у него только улыбку. Его собственная сердечная книга всё ещё висела на поясе; сквозь приоткрывшуюся щель из страниц вырвался пылающий свет. Чтобы воспользоваться её силой, Арбогасту даже не пришлось бы открывать книгу. Ударная волна захватила и закружила Изиду, но иссякла, не долетев до Арбогаста. Фурия в ярости завопила и выпустила второй поток, на этот раз в сочетании с шаровой молнией, пробившей дыру в стеклянном куполе над Арбогастом и обрушившей на него град осколков. Он стоял невозмутимо, как под летним ливнем, посреди этого звенящего фонтана, отразив и это нападение без особого труда.

Позади Фурии Финниан упал на пол, отплёвываясь и откашливаясь. Она подбежала к нему и крепко обняла, пока он не отдышался. При этом она обнаружила пистолет, подняла его и какое-то время взвешивала его в руке.

– Отдай его мне! – крикнула ей Изида.

– Нет!.. – прохрипел Финниан.

Но Фурии было ясно, что следующую атаку Арбогаст безнаказанной не оставит. И коль скоро Изида самое опасное своё оружие – страничные сердца у неё в груди – держала вне игры, было разумнее не давать чужаку дальнейших поводов для контрударов.

Без лишних слов она бросила Изиде пистолет. Та играючи поймала его и сунула обратно в ранец.

– А ты откуда такая взялась? – бросил Арбогаст Фурии. На его плечах и в волосах, словно льдинки, сверкали осколки стекла. Поскольку от неё ответа не последовало, он пожал плечами: – Впрочем, до тебя мы доберёмся позже.

Фурия склонилась к уху Финниана:

¹² Дж. ле Карре – английский писатель, известен как автор шпионских романов.

– Ты знаешь его?

В его глазах вспыхнула ненависть, но он и без нападения Арбогаста выглядел ужасно – сказывались месяцы в Мардуковых бастionaх.

– Генеральный агент Академии... Это значит, что он располагает особым доверием дома Кантосов... Он – убийца моих друзей...

– Террористов, – пояснил Арбогаст, от которого не ускользнули их переговоры вполголоса.

Аттик безмятежно стоял среди бесчисленных трупов Мардуковой банды, и казалось, его совершенно не трогало, что, возможно, к ним уже приближался следующий отряд охраны. Может, он и в самом деле перебил всех, кто находился в штаб-квартире короля клоаки.

Особое доверие дома Кантосов. Кантосы были могущественнейшим из трёх родов, составлявших руководство Адамантовой Академии. Два других, дом Химмелей и дом Лоэнмутов, находились в Совете трёх семейств на равных правах, а Кантосы на протяжении многих лет вершили судьбы Академии. Единственная дочь Кантосов Ливия исполняла обязанности рупора Совета. Её миленькое личико было, наверное, самой коварной маской из всех, за которыми Академия скрывала своё истинное лицо.

После столь высокомерного выступления не стоило и удивляться, что Аттик Арбогаст был приближённым трёх домов. Но было и кое-что другое, что поразило Фурию.

– Все эти люди, – проговорила она, указывая на мёртвых, – были подчинёнными Мардука. То есть, раз он владеет планом Санктуария, Академия у него в руках. Что же будет, если он всё это увидит?

Создавалось впечатление, что Арбогаст забавлялся от души.

– Подлинного плана Санктуария здесь никогда и не было, – произнёс он с усмешкой. – Это был всего-навсего слух, который мы распустили для вас. Мардук с готовностью вступил в эту игру, в благодарность за что мы и дальше отдаём гетто в его полное распоряжение. Да, признаюсь, относительно того, насколько велики ваши силы, я оставил его в неведении: просто не хотелось, чтобы он переусердствовал с мерами предосторожности. Придётся ему добыть себе парочку новых головорезов, но, я думаю, это он переживёт.

– Этот план – подделка? – вырвалось у Изиды. – Но это невозможно! Наши источники...

– Неужели ты и вправду забыла, как легко манипулировать другими? – перебил её Арбогаст. – Заставлять верить вещам, описанным в книгах? Или тому, что мы им внушаем сами? Мы знали: если наши указания о местонахождении плана распространить достаточно ловко, рано или поздно вы здесь появитесь.

Финниан выглядел так, словно невидимая петля всё ещё сжимала ему горло.

«Три месяца... – думала Фурия. – За эти три месяца он прошёл все круги ада, и спрашивается: ради чего? Ради того, чтобы Арбогаст нас всех прикончил».

На лице Финниана промелькнуло выражение, которое Фурия приняла бы за улыбку. Потом она обратила внимание, что он не глядел ни на неё, ни на Арбогаста. Вместо этого его взгляд остановился на чём-то, что находилось снаружи, в среднем зале, позади Изидино учителя и мёртвых тел.

– Не надо туда смотреть! – Финниан шёпотом запретил ей следовать за его взглядом и предостерегающе накрыл её руку своей.

Арбогаст опять обратился к Изиде:

– Ты была моей любимой ученицей. И хотя ты обманула и предала меня, и за это я обязан тебя уничтожить, я здесь не для того, чтобы сводить с тобой счёты. Мне нужна твоя помощь, Изида, и это единственная причина. Кое-что...

Дикий визг заглушил его слова. На Арбогаста с потолка пикировали две разгневанные девицы на букбордах.

Глава одиннадцатая

Арбогаст закружился и выпустил в обеих девушек смертоносную ударную волну.

Саммербель прочертила в воздухе крутой вираж, врезалась в Кэт и вытолкнула её из полосы огня. Потеряв контроль над своим букбордом, Кэт завопила и исчезла где-то позади набитых соломой чучел – грызуны размером в человеческий рост собрались якобы выпить чаю. Самой Саммербель оставалась только одна возможность избежать ответного удара. В полёте она подпрыгнула, сделала кувырок назад и, пружиня, приземлилась на широко расставленные ноги. Букборд же мчался дальше, прямо на Арбогаста, отловившего его небрежным движением. Когда он схватил книгу обеими руками, она дрогнула, словно беспомощная птица. Фурия думала, что он её порвёт, но он нежно закрыл и положил книгу на землю, там она и осталась неподвижно лежать.

С оглушающим рокотом брызги от волны, посланной Арбогастом, разбивались о стеклянный потолок в центре второго зала. Окна лопались, а осколки водопадом обрушивались на экспонаты.

– Кэт! – Финниан, качаясь, поднялся на ноги.

Саммербель устремилась к тому месту, где упала Кэт. Фурии не удалось разобрать, что с ними было дальше, потому что столб пыли встал перед её глазами.

– Аттик, – подала голос Изида, пытаясь сделать его твёрдым, – отпусти их. А после мы поговорим.

Фурия приблизилась к воротам:

– Без тебя я отсюда не уйду.

– Не дури! – убеждала её Изида, не сводя при этом глаз с Арбогаста.

Финниан побежал.

– Аттик!.. – начала предостерегающе Изида.

Какое-то время Фурия была уверена, что Арбогаст остановит Финниана, выпустив в него всю силу своей сердечной книги. Оба были лютыми врагами, и никакого другого исхода не предвиделось. Но за секунду до того, как Финниан достиг ворот, Арбогаст сделал рукой жест, словно приглашающий наведаться в другой зал. Финниан молча пронёсся мимо и помчался к тому месту, где барахтались в пыли Кэт с Саммербель.

– Чего ты добиваешься? – спросила Изида учителя.

– Брось все эти глупости, и идём со мной, – уговаривал её Арбогаст.

– В то, чем я здесь занимаюсь, я верю всей душой. Можешь ли ты о себе сказать то же самое? Задумываешься ли ты вообще об этом? Или речь идёт лишь о слепом повиновении трём семействам?

В девятнадцатом веке, когда Академия ещё называлась «Алым залом», руководящая секция библиомантов состояла из пяти семейств. Антиквы и Розенкрейцы подверглись исключению, а затем и чуть ли не истреблению. Предки Фурии, последние из выживших Розенкрейцев, бежали в Англию, в укромную долину в Котсуолдсе, и под именем Ферфаксов начали новую жизнь. Три остальных дома – Кантосы, Химмели и Лоэнмуты – присоединились к Адамантовой Академии, чтобы впредь управлять миром библиомантики с помощью железных правил и законов.

Аттик Арбогаст воплощал всё то, что с тех пор пошло по ложному пути. Он был поклонником диктатуры, который под маской невинной любви к книгам скрывал своё стремление к власти. Вопрос Изиды был вполне оправдан: сам-то он верит ещё в идеалы, с которых некогда начинал Зибенштерн, хотевший с помощью книг улучшить мир? Имело ли для него значение всё то, что было прежде сутью библиомантики? Или же его собственные убеждения уже давным-давно поблёкли, как и многое другое, чем занимался Зибенштерн?

– Мне нужна твоя помощь, – начал он снова, едва Фурия оказалась рядом с Изидой.
– Моя помощь! – Она повторила с такой интонацией, что это прозвучало как оскорбление.

– С этой просьбой я обращаюсь к тебе неохотно.

Изида высмеяла его:

– Думаешь, я не в курсе, что ты уже несколько месяцев охотишься за мной? Ещё не все мои информаторы замолкли. Ты каждому разъяснил, что убьёшь меня за мои проступки.

Аттик в задумчивости кивнул.

– Во всём, что я говорил, я был убеждён. Ты – предательница, Изида. В нашем деле нет худшей провинности, тебе это известно так же хорошо, как и мне. Агенты-перебежчики...

– Я больше не агент.

Не говоря ни слова, он смерил её взглядом и тихо вздохнул:

– С тех пор как тебя нет, кое-что изменилось. Пришли в движение такие силы, которые долгое время казались вечными и неоспоримыми. Я искал тебя не для того, чтобы наказывать. Я здесь потому, что мне нужна твоя поддержка.

Из густого чада пыли выделились три фигуры.

Кэт немного прихрамывала, но всё же шла прямо, опираясь на руку Финниана. Создавалось впечатление, что её немного задело.

– Я злился на тебя, – продолжал Арбогаст, поскольку Изида и дальше хранила молчание, – но я не питал к тебе ненависти. Ненависть безрассудна и контрпродуктивна. И тебе должно быть ясно, что эта суматоха, организованная твоими друзьями, – всего лишь плод юношеских мечтаний, обречённый на провал. И если ты не уцепишься за свой последний шанс, ты потерпишь фиаско вместе с ними.

Фурия увидела, как Саммербель открывает сердечную книгу. Предостерегающим взглядом она хотела предупредить новую атаку на Арбогаста, ведь на этот раз агент несомненно её уничтожит. А он, по всей вероятности, уже давно почувствовал, что затевалось у него за спиной. Фурия внутренне приготовилась прийти Саммербель на помощь. Едва заметив её напряжение, петушиная книга зафырчала. В тот же миг Финниан тронул Саммербель за рукав и еле заметно покачал головой. Фурия поняла, чем это объяснялось. Финниан хотел узнать, как Изида отреагирует на предложение Арбогаста. Неужели он действительно так не доверял Изиде? После всех этих месяцев!

– Всё это не имеет к тебе отношения, – увещевал Арбогаст таким спокойным, почти нежным тоном, что Фурию прошиб озноб. – Ты была моим лучшим агентом. Почти без посторонней помощи ты подавила восстание в убежище Равенскурт¹³. А битва за сад Дюма¹⁴? Наш триумф! Неужели ты забыла?

Ни о чём таком Фурия и слухом не слыхивала. Академия постоянно отрицала, что против её правления поднимались восстания. Но всё перечисленное Арбогастом несомненно подразумевало применение военной силы против населения отдельных убежищ.

– Сначала ты отпустишь их, – голос Изиды звучал так, словно, скрежеща, тёрлись друг о друга два айсберга, – а потом мы перейдём к твоим просьбам.

– Нет! – Фурия схватила её за рукав. – Нельзя на это полагаться! Он ведь обманывает тебя...

Изида покачала головой:

– До сих пор каждое его слово было правдой.

– О саде Дюма ходили слухи, – заметила Саммербель.

¹³ Имеется в виду парк Равенскурт в Лондоне, вблизи которого построили одну из первых железнодорожных станций с одноимённым названием.

¹⁴ А. Дюма-отец – французский писатель, автор популярных приключенческих романов.

– И о Равенскурте тоже! – рявкнул Финниан свирепо.

Кэт рядом с ним выглядела ещё очень слабой и только внимательно переводила взгляд с одного на другого.

При взгляде на Фурию Изида сверкнула глазами:

– Забирай своих друзей и уходи! Открывайте ворота и проваливайтесь отсюда!

– Но ведь это и твои друзья, – возразила Фурия.

Финниан, Кэт и Саммербель остановились менее чем в десяти шагах от Арбогаста.

– Мне нужна твоя помощь, – повторил Арбогаст Изиде. – Если ты меня выслушаешь, ты поймёшь. Речь идёт о чём-то гораздо более значимом, нежели всё это.

Что он имел в виду? Руины Мардуковой коллекции? Или, может, весь Либрополис?

– Изиды, пожалуйста! – умоляла Фурия.

– Убирайтесь, наконец! – накинулась на неё Изиды.

Арбогаст одарил Фурию снисходительным взглядом.

– Тебе следовало бы подчиниться, барышня. Иначе, чего доброго, мне придётся в голову разузнать твоё имя. А заодно и людей, тебе близких.

Фурия осторожно нащупала сердечную книгу, чтобы выпустить на этого человека всю силу, какая только имелаась у неё в запасе.

– Идите! – приказал он. – И я больше не намерен это повторять.

– Он дарит вам жизнь, – прокомментировала Изиды. – Не пренебрегай этим подарком, Фурия.

Саммербель протянула Фурии руку:

– Идём.

Слёзы жгли Фурии глаза. Что бы тогда в Равенскурте и в саду Дюма ни произошло, это было давно. Изиды теперь другая. Она отдохнёт и станет сильнее, чем этот ужасный старикан. Почему другие думают, что Изиды опять перебежит на сторону противника только ради того... И тогда Фурию осенило: чтобы спасти их. Троих других, но главное – её саму, Фурию.

– Нам не нужно таких жертв, – прошептала она и, проходя мимо, дотронулась до Изидиной руки. – Мне не нужно.

– Фурия, идём. – Это была Кэт, даже она признала поражение. – Пошли.

Словно лунатик, Фурия миновала Арбогаста и почувствовала, как петушиная книга царапает ей руку в знак утешения. Под подошвами закрипели стеклянные осколки, когда она переступала через мертвецов, которые против Аттика Арбогаста не имели ни малейших шансов. Как и она.

Один переход открыла Саммербель для себя и Финниана, другой отворила Фурия, чтобы пройти по нему вместе с Кэт. По прошествии нескольких мгновений они окажутся в подземной библиотеке резиденции, в другом убежище, на целый мир удалённом от Изиды, которая останется совсем одна. В последний раз – уже в сиянии фиолетового света – Фурия обернулась к ней. Очертания Саммербель и Финниана уже утратили чёткость. В правой руке у Фурии раскрылась петушиная книга, выставив одну страницу и расщепив бумажные слои. И всё это – без участия Фурии.

Взгляд Изиды, брошенный ей, Фурия не смогла истолковать. Может быть, это был просто страх перед последним, гораздо большим поражением.

Она сконцентрировалась на страничном сердце. Открывать переходы было трудно. На самоанализ в этот раз у неё не осталось времени. Из глубины страницы вырвался фиолетовый свет, заиграл в глазах Кэт, залил обеих и увлёк прочь.

Глава двенадцатая

Они проваливались в пустоту между страницами мира, и скоро Фурии стало ясно, что падение слишком затянулось. Первые секунды всегда были самыми ужасными, не важно, шла ли речь о прыжке в нормальном мире или о переходах между убежищами. Переходы забирали больше сил, чем прыжки, и путешествие обязательно должно было заканчиваться в тех местах, где библиомант уже бывал. В отличие от прыжка здесь не было необходимости в конкретной книге, которая лежала бы наготове у цели перемещения. Но прыжок ли или переход, всё равно, общим для них было падение через страницы мира, через библиомантическое ничто, напоминающее космический вакуум. Они всегда сопровождалась таким чувством, словно тело расщепляется. Иной раз Фурия представляла себя в виде ускользающего призрака и боялась, что не сможет снова себя собрать.

Она потеряла Кэт из виду, но ощущала, что та где-то совсем рядом. В тот момент, когда они покидали Либрополис, казалось, их молекулы на секунду смешались, чтобы в пути опять сделаться двумя отдельными телами. Её разум пытался постичь этот невообразимый процесс расщепления, придать ему краски и очертания. Иногда она представляла себе страницы мира в виде полупрозрачных стен, расписанных буквами величиной с горы. Потом туда опускался туман из фиолетовых световых точек, как будто она оказывалась в эпицентре гигантского холодного пламени.

Только несколько мгновений спустя смутные ощущения стали наконец понятны, а из хаоса явно проступили очертания окружающего мира. Падая всё ниже и ниже, Фурия различала исполинские сети, структура которых напоминала стрекозиные крылья, которые висели в пустоте, словно шторы, собранные по обеим сторонам некоего окна. Мерцающие золотом драпировки уходили в пропасть, создавая зыбкий образ организованного пространства. Внутри гигантской шахты, в которую они с сумасшедшей скоростью падали, достичь этих сетей, казалось, не представлялось никакой возможности. Но потом одна из них внезапно возникла так близко, что Фурия буквально ощутила её своей кожей, как паутину во время бабьего лета.

Она уже знала, что эти сети начинаешь воспринимать лишь тогда, когда привыкаешь к падению, когда ужас от падения переходит в блаженство парения в невесомости, ведь под ногами не видно земли. Здесь не было ни встречного ветра, ни развевающихся волос, ни даже шума в ушах.

После того как «картинка» вокруг Фурии стала более чёткой – целый мир призрачных золотых сетей, – она смогла наконец разглядеть Кэт. Та летела рядом с ней в пустоте, распластавшись, как парашютист, который вот-вот потянет за вытяжной трос парашюта. Ноги в лосинах в красно-белую полоску она немного подогнула, а руки раскинула. Фурия всё ещё держала Кэт за руку, но это был только жест. Они вместе пустились в это путешествие, вместе его и закончат, ведь разъединиться во время падения невозможно: если библиомант для перехода брал с собой обычного человека, вплоть до достижения цели они оставались единым целым. Разлучить их можно было только насильно.

– Мы скоро должны уже прибыть, ведь так?! – крикнула Кэт.

– Да. Должны.

Поскольку между страницами мира звуки не водились, не было никакой необходимости вопить, чтобы понять друг друга. Но Кэт ничего не понимала в библиомантике, и хотя она уже совершила немало прыжков и преодолела пару переходов между убежищами, к этому состоянию так и не привыкла.

Даже Фурии, несмотря на сноровку, в иные дни прыжки давались труднее, чем обычно. Над словами Кэт ей следовало бы серьёзно задуматься. Отец предостерегал её от невесомости во время библиомантических путешествий, точно так же, как предостерегала её Саммербель.

После всего, что произошло, она, вероятно, допустила просчёт, какую-нибудь глупую оплошность, которая привела к тому, что Фурия с Кэт летят теперь на веки вечные в эту пропасть, позабытые между страницами мира, словно высохшие листья в старой книге.

– Эй! – крикнула Кэт, показывая куда-то в сторону и вниз. – Вон там, видишь?

Фурия, щурясь, попыталась взглянуть в мерцающее золотое сияние. Только она хотела отрицательно покачать головой, как вдруг обнаружила тёмные точки. Там были и другие, парившие над пропастью, сквозь пустоту! Некоторые же из них не падали, а висели на мятых сетях, словно пауки в складках занавеси, и, крепко цепляясь за неё, ползли вверх.

– Это люди? – спросила Кэт.

– Трудно сказать.

– Чёрт, такие юркие! Как будто специально тренировались.

Фурия опять попыталась получше рассмотреть странных существ. Их было много, не меньше двадцати.

– Есть люди, которые обитают между страницами мира. Изгои. Книгозависимые.

Теперь Фурия ощутила нечто странное. Там, внизу, были не библиоманты, но, существа, как ей показалось, отмеченные библиомантикой. Их движения выдавали в них не людей, а в лучшем случае – человекоподобных. Некоторые из них ползли ловким зигзагом через ячейки в сети, словно ящерицы по стене.

И вдруг внезапно вернулось ощущение скоростного падения, ужас, которому нет конца. Разобравшись, что к чему, Фурия похолодела.

– Чернильные поганки! – прошептала она.

Лицо Кэт не дрогнуло. Она воскликнула:

– О мой Гёте!

– Ты же его в жизни не читала!

– Но мне нравится, как это звучит.

От кишащего дна их отделяло порядочное расстояние. Теперь существа принялись ритмично дёргаться, то вытягивая верхнюю часть туловища, то втягивая её обратно. До Фурии не сразу дошло, что они делали. Оказывается, существа приводили сеть в движение, раскачивая её взад-вперёд, так, чтобы в конце концов она пересекла траекторию падения девочек. Некоторые подняли головы и обратили на них взгляд. У Фурии выступил холодный пот.

– Ты слыхала о чернильных поганках?

Кэт скривилась:

– Совсем немного. Наши истребляли их в ночных убежищах. Но некоторым из них удалось укрыться между страницами.

– Мой отец упоминал о них, но никогда не рассказывал ничего определённого. Он считал, что детям от этого будут сниться кошмары.

– И это всё?

– Они прикончат нас. Но сначала подвергнут всяким пыткам, чтобы получить удовольствие.

– Они хитрые?

– Они выдумщики. Изобретательные!

Кэт побледнела и замолчала.

Академия наложила строгое вето на любые известия, касавшиеся ночных убежищ. За сорок лет официально не было издано ни одной книги о войне. Предполагают, что существовали тайные публикации, распространяемые в Либрополисе из-под полы, но ни одна из них не попала в резиденцию. По крайней мере, не на те полки, которые знала Фурия. Наверное, ей стоило получше прислушаться к Целестину, отчиму Изида, забавлявшему их своими древними историями про войну. Но и он вряд ли рассказывал о поганках. И уж точно не о том, что они

творяют с людьми, попавшими в их лапы. Некоторые воспоминания были слишком болезненными даже для ветерана ночных убежищ.

Фурия и Кэт падали дальше с головокружительной скоростью. Расстояние до того места, где их поджидали поганки, сокращалось с каждой секундой. Ещё немного – и они окажутся на одной высоте с ними.

– И знаешь, что самое ужасное? – заговорила Кэт.

– Что мы умрём?

– Нет. Что я не сказала Финниану, как я рада его снова увидеть. *«Кажется, я отбила себе задницу»*, – всё, что я успела ему сказать. И я его знаю: именно эти слова он упомянет в своей траурной речи.

– Смотри на всё позитивно. Если поганки нас замучают и сожрут, такую траурную речь сочтут не очень постыдной.

Между тем отвратительные создания так сильно раскачали свои сети, что легко зацепили бы Фурию и Кэт, продолжив они своё падение. Очевидно, у чернильных поганок был богатый опыт в отлове путешественников. Сети отдалялись, снова приближались, опять отдалялись, возвращались обратно, вперёд-назад...

– Они в этом не новички, – заметила Кэт.

Фурия раскинула руки и ноги как можно шире, чтобы управлять падением, но что-то она сделала неправильно и, совершив двойной кульбит, вдруг перевернулась на спину, и потоком воздуха её сложило пополам. Кэт ухватила её за руку, дёрнула к себе, пытаясь помочь принять более удобное положение. Но в итоге обе беспомощно забарахтались как в невесомости.

– Можешь унести нас отсюда? – спросила Кэт, запыхавшись.

– Открыть ещё один переход, всё равно куда? – Фурия покачала головой. – Такого я ещё никогда не проделывала. Не знаю, возможно ли это вообще.

В правой руке девочка всё ещё сжимала сердечную книгу, которая вцепилась ей в рукав. Она пыжилась что-то сказать, при этом не размыкая клюва. Вырывались только клопочущие звуки:

– Мжн...

– Чего?

– Взмжн...

– Да говори ты внятно!

Нехотя книга отцепилась и, выпалив три слога: «Возможно!» – опять крепко закусила клюв.

– Вот видишь! – крикнула ей Кэт. – Давай попробуем!

Поганки больше не карабкались наверх. Они бесшумно поднимали и опускали туловища в едином ритме. Тёмные силуэты постепенно стали принимать форму конкретных фигур, покрытых пятнистой кожей с чёрными и тёмно-синими пятнами, которые дрожали и расплывались на их телах, словно цветная слизь на воде. Именно потому, наткнувшись на них впервые в ночных убежищах, библиоманты прозвали их чернильными поганками. Это были беспощадные рабы врага, сведений о котором было ещё меньше, чем о его сторонниках.

Отразив натиск поганок, библиоманты покинули ночные убежища и уничтожили все подступы к ним. То, что Изида полгода назад открыла переход туда, дабы отправить в ссылку Зибенштерна, было подтверждением её невероятной мощи, гораздо большей, чем Фурия могла себе вообразить. Едва ли кому-нибудь ещё было такое под силу.

Сеть снова качнулась к ней. И снова назад и вперёд.

– Да сделай же что-нибудь! – крикнула Кэт срывающимся голосом.

– Взм-взмж-взм... – гундосил клюв.

Фурия с проклятиями бросила руку Кэт и отцепила петушиную книгу от своего рукава.

– Да говори же, что мне делать! И внятно!

– Ровно ничего! – завизжала петушиная книга.

Сеть снова приблизилась. Через несколько минут они окажутся в гуще поганок. Первые из них уже простёрли к ним руки. Фурия могла различить омерзительные морды.

– Как это – ничего? – спросила она в замешательстве. – Ты ведь должна...

И вдруг она почувствовала, как внутри её что-то начало разрываться и тянуть, словно душа с телом расставалась, и одновременно ощутила то, что она сливается с летящей Кэт.

– Мы здесь... – Последнее, что услышала Фурия, было кряканье петушиной книги.

А потом – тишина.

Вспыхнул фиолетовый свет, окружив их прозрачной сферой. Сквозь её сияние Фурия видела приблизившихся поганок: двадцать, может, тридцать, с вытянутыми вверх руками, с разинутыми чёрными ртами. Но внезапно свет обернулся тьмой, Фурия и Кэт приземлились на камень. Кэт завопила, петушиная книга – ещё сильнее. Только Фурия не издала ни звука. Рядом с ней из полутьмы проступил контур забитого книгами стеллажа. Прежде чем её разум дал отбой тревоги, она уловила знакомый запах, самый прекрасный запах на земле. Они дома, в библиотеке имения Ферфаксов.

Глава тринадцатая

Включив электрическую лампочку, Фурия попыталась посчитать свой пульс. Вдох. Выдох. Раз, два. Поганки всё ещё стояли у неё перед глазами: безобразные физиономии, иссиня-чёрные туловища в лохмотьях кожи, люди и нелюди одновременно. Фурия закрыла глаза и встряхнула головой, но образы из только что пережитого всё настойчивее напоминали о себе. Снова качалась сеть, мелькали лапы тварей с растопыренными когтями, гнилые зубы, чёрные как уголь языки.

Фурия распахнула глаза в надежде, что действительность прогонит этот кошмар. Её взгляд упал на верхние полки книжных стеллажей. Она лежала на спине, наверху висела лампочка. Ароматы бумаги, кожи и историй, приветствуя её, словно бережно укрывали тёплым одеялом.

– Видишь, всё получилось! – воскликнул знакомый голос совсем рядом.

Только теперь Фурии стало ясно, что её затылок покоится на бедре у Кэт, которая вытирает рукавом холодный пот на её лбу.

За поясницу что-то ущипнуло.

– Я здесь! – послышались сдавленные звуки. – Всё это в высшей степени недостойно, – плаксиво кряхтела петушинная книга, – такого я не заслужила! И это после такой катавасии!

Фурия попробовала сесть. Её мутило, голова кружилась. Кэт поддержала её за плечи.

– Эй! – крикнула книга. – Господи, да ты же на мне сидишь!

Фурия пошарила под собой, наткнулась на уголок маленькой красной книжечки и вытянула её. Шея-шланг покачивалась, словно голова старой девы, готовой вот-вот упасть в обморок.

– Прости, – сказала Фурия. – Я не нарочно.

Издание уязвлено проворчало себе что-то под нос.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Кэт.

Клюв выскочил, словно чёртик из коробочки.

– А как я, по-твоему, должна себя чувствовать? Вот ты полежи с моёй, придавленная и обречённая на жалкую смерть от удушья, забытая всеми...

– Да не ты! – прервала книгу Кэт и нежно повернула к себе осоловевшую Фурию. – Я имела в виду тебя.

– Всё в порядке. Не понимаю, почему меня так развезло.

– Это совершенно нормально, – подал голос кто-то из узкого коридора позади Кэт, – передозировка библиомантикой за слишком короткий промежуток времени.

Кэт посторонилась, и взгляду Фурии предстала Саммербель. Она тоже лежала на полу, подогнув ногу и положив затылок на колени Финниану. Её белоснежные длинные волосы в беспорядке рассыпались по его ногам и полу. Видимо, оба приземлились недавно.

– Нет, ну вы видели их? – деловито поинтересовалась Фурия.

Саммербель, приподнявшись, опёрлась на локоть. Финниан немного отодвинулся от неё – должно быть, заметил ревнивый взгляд Кэт. Прежде чем Саммербель успела ответить Фурии, он встал, подошёл к Кэт, и, опустившись рядом с ней на корточки, притянул к себе.

– Хорошо, что вы здесь, – сказал он нежно.

– Кого видели? – переспросила Саммербель.

– Чернильных поганок. Целую кучу!

Финниан и библиомантка переглянулись.

– Нет, – покачала головой Саммербель. – Вы уверены, что это поганки? По слухам, их уже сто лет никто не видел.

– Тогда непонятно, кто бы это ещё мог быть, – возразила Фурия.

– Омерзительные твари, – заметила Кэт, – с иссиня-чёрной кожей. Как язык, если прикусить картридж с чернилами...

– Они нас чуть не поймали, – Фурия гордо провела по клюву своей сердечной книги, – но мы оказались проворнее.

– Раз-раз – и след простыл! – встряло издание. – А ведь были прямо на волосок от гибели! Фурия с улыбкой положила книгу к себе на колени:

– Ты им показала, на что способна!

– И ты! – Клюв с нежностью щёлкнул её по кончику носа.

Они находились недалеко от входа в библиотеку – в нескольких метрах от железной двери, на которой уже многие годы красовалась вмятина. Узкий коридор вёл отсюда на многие километры в глубину скалы, многократно разветвляясь и образуя тёмный лабиринт из туннелей, полных книг. Свободные библиоманты сделали это место своим убежищем.

Некогда это были катакомбы римской виллы, расположенной среди зелёных холмов на юге Англии в идиллической местности Котсуолдс. Предки Фурии с помощью могущественной библиомантики превратили её в библиотеку, которая с тех пор прорастала сквозь камень и сама себя наполняла книгами. Фурия исследовала множество туннелей, и всё равно это было ничтожно малое знакомство. В главном коридоре с каменного потолка на кабелях свисали лампочки. Остальные туннели утопали во мраке.

– Почему никто не приходит за нами? – Кэт указала на железную пластину. – Другие в курсе, что мы здесь?

Вход в библиотеку находился в подвальном помещении резиденции и из соображений безопасности открывался только снаружи. Ариэль, главарь экслибров, нашедших в доме Ферфаксов своё пристанище, с наружной стороны входа разместил охрану, одной из задач которой было пустить вернувшихся из экспедиции.

Фурия поглядела на Саммербель:

– Вы им дали сигнал?

– Нет ещё.

Рядом с дверью наготове лежал молоток. Пара ударов по железу оповестит охрану.

– погоди-ка, – остановил Финниан Фурию, когда та хотела подняться. Он и Саммербель переглянулись.

Кэт поморщилась:

– Ну что там ещё?

Оригами, клевавшая пыль с одной из полок, подняла головку. Со дня победы Фурии над плесневиком большинство оригами переселилось опять в глубину библиотеки, а около выхода встречались лишь отдельные экземпляры.

– По-моему, нам следовало бы прежде сформулировать общую версию произошедшего, – внесла предложение Саммербель. – С Изидой.

– Общую версию? – Фурия сунула сердечную книгу в набедренный карман штанов. – О чём ты? Мы же все при этом присутствовали и видели одно и то же.

– Она нас предала, – заявил Финниан, – даже если тебе это не по вкусу.

– Она нас спасла!

– Почему же тогда она не попыталась оказать Арбогасту сопротивление?

– Может, чтобы не подвергать нас опасности?

– А тебе известно, Фурия, – начала Саммербель, – что Изида не имела ничего против того, чтобы мы вместе с ней проникли в штаб-квартиру Мардука? И головной боли по поводу того, что она подвергает кого-то опасности, она не испытывала.

– Мардук, по моим наблюдениям, ворочает такими делами, которые вам и не снились, – подхватил Финниан. – Изида и до нашей операции всё знала. Так что не надо мне рассказывать о том, как она за нас волновалась.

Кэт молча смотрела на него. Сожаление из-за того, что ему пришлось вынести, а также раздражение, что он с Саммербель теперь заодно, отразились у неё на лице.

– Мы все знали, на что идём. – Фурия постаралась сказать это примирительным тоном, не умаляя того, что Финниан пережил за последние три месяца, но и – что важнее – не вынося Изиде приговор за то, за что та не взяла на себя ответственность. – Каждый из нас был готов проникнуть туда и добыть проклятый план.

– План, которого там никогда не было, – уточнила Саммербель.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что нам следует хотя бы рассмотреть вариант, что Изида об этом знала.

– Чушь!

Саммербель встала и опёрлась на полку.

– Это сообщение её не особенно потрясло. Тебе это не бросилось в глаза?

Фурия тоже поднялась, правда слишком поспешно, и тотчас же зашаталась. Кэт поддержала её за локоть, но та с негодованием стряхнула её руку:

– Вы что ж, и в самом деле считаете, что Изида вас предала?! После всех месяцев невзгод и всего, что она для вас сделала?

Финниан и Саммербель опять перекинулись взглядами. Их согласие приводило Фурию в меньшую ярость, чем Кэт, пусть даже и по другим причинам.

– Арбогаст появился туда из-за неё, – заметила Саммербель, – он сам сказал. По какой-то причине Изида ему всё ещё так дорога, что он нас отпустил. Даже Финниана, хотя он вот уже столько месяцев объявлен в розыск. Но Арбогасту и это безразлично. И всё ради того только, чтобы подобраться к Изиде? Тебе не кажется, что это немного странно?

Одна часть сознания Фурии попробовала услышать аргументы Саммербель. По крайней мере, дать им шанс. Но вторую, более сильную часть буквально раздирало от слепой ярости.

– Шесть месяцев Изида жила с нами под одной крышей! Она...

– И частенько навещалась одна в Лондон, – перебил Финниан.

– Потому что там живёт её отец, который, между прочим, помогает деньгами нам всем! Господи, Финниан!

– Долгие годы она избегала всякого контакта с ним. И вдруг – эти посещения. И как часто! Раз в неделю?

– Это её дело. – Фурия видела, что он намерен ещё что-то возразить, а потому без лишних раздумий оборвала Финниана. – Кроме того, если уж она действительно с Арбогастом заодно, к чему вся эта канитель? Она могла бы послать ему сообщение и встретиться с ним тайно.

– Может, ещё не пришло время, – возразила Саммербель. – Она шаг за шагом от нас отдалялась.

– А что, по-вашему, ей понадобилось в Лондоне?

– В Лондоне или Либрополисе – всё равно. Она могла там собирать информацию о создавшемся положении, – пояснил Финниан. – Возможно, она известила Арбогаста о том, что мы затеваем. Неужели я единственный, кому эпизод с оригами показался странным? Арбогаст якобы отловил её, и она привела его к Изиде? Где же это случилось? Может, между страницами мира?

Саммербель наморщила нос:

– Совсем необоснованной эту мысль считать нельзя. Но всё не так просто.

– Он лучший агент Академии! – напонила Фурия. – Откуда нам знать, на что он способен?

Кэт молча скользила взглядом по собеседникам, словно пытаясь понять, как такой спор мог разразиться именно сейчас, после сегодняшних потрясений. Фурия тоже находила это абсурдным, но не желала допустить, чтобы Саммербель и Финниан выложили Ариэлю свою версию Изидиногo предательства. Среди экслибров, укрывшихся в резиденции, репутация

Изиды вплоть до сегодняшнего дня считалась небезупречной. Многие не могли ей простить, что она некогда охотилась на мятежных экслибров; подозрение в предательстве могло найти благодатную почву. Стоит только пустить дело на самотёк, и люди скоро вообще перестанут интересоваться доказательствами. Народ верит в то, во что он хочет верить, – это, по крайней мере, она поняла за полгода жизни рядом с людьми.

– Изида нас не предавала, – твёрдо произнесла Фурия.

– Только потому, что ты не желаешь этого признавать? – усмехнулась Саммербель.

– Ни на секунду не допускаю мысли, что она за нашей спиной что-то замышляла.

Фурия протиснулась мимо них к железной двери. Подняв тяжёлый молот, она взвесила его в руке. Прежде чем ударить им по пластине, она ещё раз повернулась к Финниану и Саммербель. Кэт сидела позади них и была похожа на жалкий комочек. Впервые за время их знакомства Фурия видела её безмолвной.

– Рассказывайте Ариэлю что хотите. Но не ждите, что я буду при этом стоять и помалкивать. – Она размахнулась молотом. – Вы несправедливы и допускаете ужасную ошибку.

Глава четырнадцатая

Ожесточённые споры разгорались и на расстоянии многих километров от резиденции в Англии и её новых обитателей. Члены семьи Химмель сидели за ужином, и, как это частенько случалось, не могли скрыть своей нетерпимости друг к другу.

Рашель Химмель ковыряла на своей тарелке кусочек цветной капусты. Даже это блюдо ей не осилить. Стоило её отцу разразиться очередной тирадой – а его речи сопровождали каждую совместную трапезу, – как у неё напрочь пропадал аппетит. Особенно ужасно было по вечерам: к этому моменту он чаще всего уже опрокидывал в себя одну бутылочку из винного погреба, а за ужином осушал и вторую.

Брат Рашели Фейт занимал место за длинным столом напротив неё, демонстративно отложив в сторону свои серебряные приборы. Он был на год старше Рашели и в свои двадцать лет умел создать впечатление, будто содержание отцовских речей вызывает его живейший интерес. Фейт был рослым блондином и обладал опасной привлекательностью; опасной – потому что на него постоянно заглядывались девушки совсем иного склада, хорошие и милые.

Из всех присутствующих в просторной столовой Рашель и Фейт были единственными, кто испытывал взаимную симпатию. Может статься, в силу обстоятельств, ведь отец презирал их обоих, а может, они просто были убеждены, что у них нет иного выбора. От других в этом доме они уже давно не ждали никакой любви. С тех пор как много лет назад барон Фридрих Химмель выставил на улицу жену и мать своих детей, атмосфера в старинных каменных стенах сделалась такой же холодной и не располагающей к жизни, как где-нибудь на Сатурне.

Барон восседал во главе стола, в трёх метрах от Рашели и Фейта, и толковал о никчёмности молодого поколения вообще и двоих своих старших детей в частности. Его монологи без конца вращались вокруг одних и тех же тем: разочарование, заблуждение, закат жизни семейства. Лишь выбор слов подчас подвергался изменениям. Одни упрёки уступали место другим, некогда поставленные цели в беспорядке сменялись новыми. Только его паранойя оставалась неизменной в этом хаосе слов.

На противоположном конце стола сидел четвёртый член семьи – Констанция, бабушка Рашели и Фейта, как обычно, вся в чёрном, с седыми волосами, уложенными в высокую причёску. В свои семьдесят девять лет ей не раз приходилось присутствовать при бесконечных спорах за этим столом, и она интуитивно определяла, когда целесообразно прервать словесный поток своего сына Фридриха, а когда лучше сохранять молчание. Самая одарённая из членов семейства, баронесса некогда владела библиомантическим искусством в совершенстве. Но с тех пор как ослабло её зрение, она постепенно утрачивала способность применять свои силы. Ещё детьми Рашель и Фейт слышали впечатляющие истории о своей бабушке. Рассказы о том, как она сама в материнском чреве приняла решение стать женщиной, при всей своей неправдоподобности были устойчивой частью семейного фольклора. Но то, что она в момент рождения уже умела читать, равно как и факт, что сердечная книга нашла её, когда ей было девять лет от роду, в самом деле подтверждалось письменными свидетельствами.

Медленно, но верно развивающаяся слепота была горьким дополнением к её мифу. Болезнь глаз ставила под сомнение некоторые легенды о ней и вызывала в Рашели тайное торжество. Ей столько раз приводили старую баронессу в пример, что иначе как с известным злодеем она не могла следить за её дряхлением.

Только третий ребёнок барона его младшая дочь Пандора умудрялась избегать отцовских упрёков. Хотя она отказывалась принимать участие в совместных трапезах, против этого, как правило, никто не возражал. Барон души не чаял в одиннадцатилетней прелестнице и прощал ей любое упрямство. Появившись на свет без библиомантической жилки, Пандора тем не менее проводила всё своё время в библиотеке, глотая наитруднейшие собрания сочинений.

В тот вечер Пандоры за столом, как обычно, не было. И по причинам, известным только ему, барон решил, что виной всему Рашель и Фейт.

– Пандоре пришлось расти без матери, – хрипел он от своего вечернего приступа ярости, – а от старших брата и сестры вполне можно было бы ожидать, что они посвятят её в обычаи этого дома.

– Но ведь это не мы с Рашелью вышвырнули мать из дома, – хитроумно возразил Фейт.

Рашель метнула на него предостерегающий взгляд: они ведь договаривались не раздражать отца без необходимости. Но Фейт не обратил внимания на этот сигнал, взял нож с вилкой и отрезал себе кусочек стейка. С наслаждением жуя, он ожидал от барона ответного удара. Фридрих Химмель, мужчина пятидесяти двух лет, седой как лунь, грохнул по столу кулаком. Стучал он часто и с охотой, совершенно игнорируя то обстоятельство, что дети испытывали к нему самое большее – жалость. Холерик и тиран, пьяница и слабак, барон в бушующих водах жизни целенаправленно вёл свой корабль прямо на скалистые рифы. Хотя справедливости ради стоит отметить, что не он один нёс ответственность за упадок своей семьи, в немалой степени к этому приложили руку и некоторые из его предков. Два других семейства из Совета Академии относились к нему пренебрежительно, и ни для кого не было секретом, что в Санктуарии, находящемся под защитой *Codex Custodis*¹⁵, для вынесения решений от имени всей Академии в его одобрении Кантосы больше не нуждались.

– Заткнись! – Фридрих грубо поставил сына на место.

Закашлявшись, старая баронесса промокнула морщинистые уголки своего рта салфеткой и процедила:

– Фейт, очевидно, имеет в виду, что из Пандоры не вышло бы такой капризницы, если бы ты, мой сын, заплатив неоправданно много денег, не убедил её мать убраться из нашего дома.

Сказано это было достаточно дерзко, так что барон в первую минуту застыл с разинутым ртом, а потом схватился за бокал вина. Поспешно его опустошив, он злобно воззрился на баронессу:

– Что ты хочешь мне этим сказать, дражайшая мать?

Баронесса расплылась в сияющей улыбке, позволявшей догадываться, от кого Фейт унаследовал своё лукавство.

– Ах, эта свистушка, конечно, для всех нас невеликая потеря, даже для крошки Пандоры. Но не стоит недооценивать то обстоятельство, что твоя супруга превосходно владела искусством плести мелкие интрижки, тем самым в известной мере оказывая честь семейству Химмель. Не мы ли, Химмели, были теми, кто мог похвастаться одними из самых серьёзных заговоров в мире библиомантики? Не мы ли были теми, кто в своё время настроил против семейства Антиква все прочие семейства и благодаря этому предопределил их конец? И не семейство ли Химмель позаботилось о том, чтобы Розенкрейцы утратили право голоса в «Алом зале»?

Она часто и с удовольствием предавалась воспоминаниям о старых добрых временах, при этом клала свою трость на колени и поглаживала рукой её серебряный набалдашник.

– Интриги для нашей семьи, – продолжала баронесса, – прежде были хлебом насущным, но с той поры, как моя невестка – да изжарится она в адском пекле! – нас покинула, я не вижу более никакой нужды поддерживать эту милую традицию.

«Если бы ты только знала!..» – думала Рашель.

– Всему этому почти двести лет! – Барон сделал движение рукой, очерчивая зал.

Здесь с одной редкой вещицей всегда соседствовала другая – от сервантов с ножками в виде львиных лап и легкомысленных сервировочных столиков до гобелена весьма сомнительного вкуса.

¹⁵ «Кодекс хранителя» (лат.).

– Твои воззрения не менее изъедены жучком, чем вся эта рухлядь. Ты предаёшься воспоминаниям, которые даже не являются твоими. И скорбишь о временах, о которых знаешь лишь понаслышке. Прости меня, мать, но ты говоришь, как старуха, – поморщился Фридрих.

Рашель размяла свою цветную капусту до мельчайших кусочков и теперь сдвигала их вилкой в крошечную кучку. Перед отцом она давно уже не испытывала никакого страха, а вот от бабки, несмотря на свои девятнадцать лет, ей всё ещё было не по себе. Слепая или нет, а Констанция некогда была библиоманткой, которой ни один из них и в подмётки не годился.

– Помимо всего прочего, – продолжал барон, в который раз прошляпавший подходящий момент для того, чтобы оставить тему в покое, – мы обсуждали воспитание Пандоры, а не твоё неодобрение того способа, каким я улаживаю дела нашего семейства.

– Ты вообще ничего не улаживаешь, дорогой, – возразила баронесса, ни на мгновение не изменяя своему любезному тону. – Ты просто сидишь сиднем, изрядно попивая винцо, придираясь к своим детям, не выказывая ни малейшего уважения своей матери и позволяешь Кантосам и Лоэнмутам попираť память наших предков.

– Академия больше не...

– Академия, – перебила она, – не виновата в том, что наше семейство оказалось вне игры. Что к нашему мнению больше не прислушиваются и за нашей спиной над нами потешаются, ответственность за это несёшь ты да твой непутёвый папаша, мир его праху! – Коротко переведя дух, она добавила: – Без сомнения, и я внесла сюда свою лепту, поскольку так долго любовалась на это в бездействии.

Рашель прислушалась. Конечно, всякий знал, что Академией испокон веков управляли мужчины, патриархи трёх семейств. Женщин в Совет не допускали, и Рашель предполагала, что лишь немногим особам женского пола вообще довелось увидеть Санктуарий изнутри. Горечь в голосе бабушки выдавала, что Рашель была не первая, кого подобная несправедливость наводит на размышления. Казалось, сегодня, менее чем когда бы то ни было, мир библиомантики шёл в ногу со временем, устаревший и запыхавшийся, как этот салон, застывший в регламентах, письменно закреплённых много лет назад.

Протест девятнадцатилетней Рашель против такой несправедливости был вполне объясним, но то, что бабушка рассуждает точно так же, вызвало её безграничное удивление. Девушка обратила взор на брата, в полном спокойствии уплетавшего свой стейк и наливавшего себе воды. С блеском в глазах он предложил налить и ей, но она поспешно прикрыла свой стакан ладонью. Она многое отдала бы за то, чтобы узнать, *что* было у него сейчас на уме.

В дверь столовой постучали.

– Что такое? – вскипел барон, явно учувший возможность выместить свою злость на постороннем. – Мы принимаем пищу, чёрт вас побери!

«Только не я», – подумала Рашель, хотя у неё урчало в животе от голода.

Старая баронесса брякнула тростью о край стола.

– Войдите!

Высокая дверь качнулась, и в комнату вошёл экслибр, не старше Фейта и Рашели. Темноволосый кудрявый молодой человек поклонился сначала пожилой женщине, а после – и барону. Чтец и камердинер баронессы Джеймс в те дни, когда давал о себе знать её возраст, выступал также в роли сиделки.

– Всемиловитейше прошу меня простить... – начал он. Но Фейт перебил его. Ещё до того, как он раскрыл рот, Рашель знала, что сейчас будет.

– Когда ты научишься кланяться и нам с сестрой?

Джеймс бросил взгляд в сторону баронессы, в ответ коротко ему кивнувшей. После этого он отвесил поклон центру стола, в точности середине между Фейтом и Рашелью.

– Вот так-то лучше, – сказал Фейт удовлетворённо, упуская из внимания тот факт, что, строго говоря, Джеймс кланялся блюду с цветной капустой.

Рашель прокомментировала это шутливой улыбкой:

– Добрый вечер, Джеймс.

Экслибр вызывал у неё симпатию, пусть даже она никогда не решится высказать это в присутствии своей семейки. Боковым зрением она заметила, что бабка наблюдает за ней. На расстоянии нескольких шагов баронесса выглядела неплохо, возможно, даже лучше, чем пыталась казаться. Иногда Рашель ловила себя на мысли, что на лице пожилой женщины, возможно, отразились события, которые нагоняли на неё страх. Тепла от баронессы она не знала, но и открытого неприятия – тоже. И всё же у Рашели пробежал мороз по коже, стоило ей оказаться в центре внимания Констанции.

Джеймс, среднего роста и несколько неловкий, шатен с непослушными кудрями, постоянно выбивающимися из узла на затылке, как и многие экслибры, не имел характерных черт, но его лицо, не отличаясь особенной миловидностью, всё же излучало любезность. На первой встрече, три года назад, Рашель заметила искры ума в его глазах. Она спрашивала себя подчас, не слишком ли уж старательно он скрывает умственные способности от других? Её бабушка была наверняка в курсе этого и именно потому так высоко его ценила. Отец Рашели и её брат обращались с ним как с дураком лакеем, и только Рашель раскусила Джеймса. Он вызывал у неё восхищение, хотя одновременно с этим она догадывалась, что с ним надо держаться настороже. Он носил белую рубашку и светлые штаны. Джинсы в доме не разрешались – этого запрета придерживались и Фейт с Рашелью, считая необходимым даже в мелочах выделяться вне имения на фоне плебса. От обычного мира дом был строго отделён, и границы его иной раз казались Рашель более непреодолимыми, чем границы убежищ.

– Простите, что помешал, – снова начал Джеймс, на этот раз адресуя свои слова к баронессе, – явилась Ливия Кантос.

Глаза Фейта, казалось, заволокли тени.

– Без доклада, – он подозрительно взглянул на отца, – не так ли?

– Меня она не предупреждала, – отвечал барон. Он перевёл взгляд на пожилую женщину, но та тоже покачала головой.

– Они даже не находят для себя нужным придерживаться элементарных правил вежливости, – процедила она с презрением. – Врываются без предупреждения! Несомненно, чтобы сообщить о постановлении, в который раз принятом без нашего участия.

Отец Рашели отложил в сторону салфетку и поднялся из-за стола. Несмотря на все его потуги, присутствующие отлично знали, что посещение ведьмы Кантосихи ему льстило. Рыжеволосая, на десять лет старше Рашели, Ливия была достаточно хороша собой, чтобы даже своим врагам вскружить голову. Поговаривают, здесь не обошлось без библиомантики, одной из тех перманентных иллюзий, какие уже несколько лет были в ходу.

Ещё девочкой Ливия отличалась чрезвычайной привлекательностью, но, с тех пор как она сделалась официальным уполномоченным Академии, она свою внешность ещё более усовершенствовала. Не укрылось это и от барона. Тем не менее в присутствии Ливии он с завидным постоянством преображался в заикающегося идиота, позволявшего командовать собой как школьником.

– Я... я сейчас к ней выйду, – засуетился он и хотел было бежать к двери.

Но баронесса подняла руку:

– Фридрих, подожди! – Она повернулась к Джеймсу: – Проси её сюда. Мы все хотим услышать, что юная дама нам доложит.

Сын не успел возразить матери, как молодой человек уже покинул столовую. Барон молча поправил свой воротничок и стал дожидаться посетительницы вместе с остальными.

Фейт откинулся на стуле и скрестил на груди руки. Его высокомерие было напускным: Рашель ощущала кипевший в нём гнев. У неё тоже вызывало отвращение, что Кантосы, пренебрегая всяким этикетом, открывали двери в поместье Химмелей так, словно были у себя

дома. Но, в отличие от Фейта, ей удавалось держаться отстранённо. В данном случае речь шла не о ней с братом и даже не об их отце.

Ливия Кантос вошла в салон:

– Всем привет, – сказала она спокойно и лаконично, с достоинством женщины, осознающей, какое впечатление она производит на окружающих. – Надеюсь, я не слишком помешала трапезе?

Конечно, помешала, и она это отлично знала. Рашель поспорила бы на что угодно: час своего посещения Ливия выбрала, рассчитывая именно на такое стечение обстоятельств. Это только подтверждало давние подозрения Фейта: Кантосы были в курсе распорядка дня и обычаев имения Химмелей. Какое-то время Фейт даже думал, что это Джеймс подбрасывает сведения их противникам. Рашель же, напротив, никогда в это не верила. Фейт терпеть не мог экслибра, но шпионом тот наверняка не был.

Барон поспешил навстречу Ливии и нежно пожал её ручку:

– Как чудесно снова вас увидеть, моя дорогая! Рады вас приветствовать.

– Очень рады, – съязвила Рашель.

Фейт обаятельно заулыбался:

– Это для нас как приступ люмбаго.

Ливия пропустила замечания обоих мимо ушей, слегка поклонилась баронессе и бухнула громадный бумажный свёрток на стол:

– Новости о братьях-бардах.

– Опять диверсия? – встревожился барон.

– В определённом смысле – да. На этот раз, правда, наши организации гроза миновала.

Баронесса повела своей тонкой бровью:

– Как прикажете это понимать?

– Вам говорит о чём-нибудь имя Мардук?

– Опустившийся субъект, разыгрывающий из себя падишаха в гетто Либрополиса?

Ливия кивнула:

– Мы заключили с ним сделку.

– Неужели всё зашло так далеко? Теперь мы ведём дела с уголовниками? – Баронесса скривила презрительную мину и воззрилась на сына: – Ты слышан об этом?

– Это представлялось разумным, – отвечал он.

– И каков был план? – поинтересовалась Рашель.

– Мы распространили слух, будто Мардук завладел планом Санктуария, включив его в своё собрание библиомантических редкостей.

Фейт скрестил руки за головой.

– Старая карта Дамаскана? Значит, она действительно существует?

– Существовала. Пока мы её не уничтожили. *Codex Custodis* оказался весьма сомнительным. Мы не могли так рисковать. – Ливия самодовольно улыбнулась. – Дом Кантосов трудился месяцы напролёт, чтобы направить ход вещей в нужную колею. Сегодня братья-барды наведались в разбойничье логово Мардука. Они там изрядно набедокурили, но вынуждены были убраться ни с чем. При этом они не только нажили себе врага в лице влиятельнейшего либрополисского преступника, но и ничтоже сумняшеся засветились на его камерах видеонаблюдения. – Ливия указала на свёрток. – Мардук приказал незамедлительно направить нам записи. То есть теперь мы располагаем фотографиями террористов, до сих пор не значившихся в нашей картотеке.

Барон раскрыл свёрток и вынул оттуда несколько снимков крупного формата. Рашель и Фейт подошли и глянули ему через плечо.

– Вот это – мальчик-садовник, он стоит в списке объявленных в розыск. – Ливия показала на фотографию молодого человека с тёмными волосами и неправильно зажившим после перелома носом.

«Головорез, да и только, – решила Рашель, – отребье самого низкого пошиба».

На следующем снимке была изображена женщина со светлыми волосами, выбивающимися из-под чёрного капюшона.

– Изида Пустота, предательница.

– Просто скандал, что всё так далеко зашло, – отметила баронесса с другого конца стола. – Если уж мы наших лучших агентов не можем удержать в узде, то скоро молва о слабости Академии докатится до самых дальних уголков убежищ.

Ливия холодно посмотрела в её сторону:

– Уверена, дела шли бы значительно лучше, если бы в управлении участвовали слепые старухи.

– Моя бабушка не слепая! – набросилась на неё Рашель. – Она просто не может больше читать. Вот и вся разница.

– О, извините. Безусловно. – После этого Ливия перестала обращать внимание как на бабушку, так и на её внучку.

Она пролистала стопку с фотографиями и наконец вытянула те из них, где можно было различить лица девичьей троицы.

– С одной мы уже имели счастье познакомиться – Саммербель Лилливик. Её папаша был диссидентом, а сама она ещё и похуже будет. – Гостья ткнула в два оставшихся снимка. – Впрочем, особенно пламенный интерес у нас вызывают личности вот этих двух.

С одного из снимков глядела светлоголовая девочка в чёрной водолазке.

– А у неё в руке... случайно, не петушиная книга? – спросила Рашель.

– Очевидно, это её сердечная книга. Она библиомантка, но откуда она взялась, мы не знаем. Её описание подходит одной девочке, которую пару месяцев назад видели в Хей-Кастл в Либрополисе, незадолго до того, как нам пришлось убрать директора Кирисса с поста. Мы допросим его на этот счёт, но, по всей вероятности, будет непросто. Он не слишком-то настроен на сотрудничество.

Она указала на вторую фотографию: третья девочка была примерно того же возраста, с короткими чёрными волосами, в слишком просторной кожаной куртке и броских полосатых лосинах. При виде такой вульгарности Фейта перекосило.

– Эта с библиомантикой, пожалуй, не имеет ничего общего. Но зато девчонка умеет обращаться с букбордом, что говорит о том, что она из убежища или, возможно, из Либрополиса, хотя это только предположение. – Ливия одарила барона улыбкой. – Дом Химмелей высказал пожелание в будущем упрочить свою роль в Совете. – Она бросила мимолётный взгляд на Констанцию. – Мы читали ваши письма, достопочтенная госпожа баронесса, будьте уверены – каждое из двадцати одного. Отсюда наша просьба: разузнайте, кто эти девицы. Их имена, кто их ныне здравствующие родственники, всё, что может помочь их аресту и допросу.

Отец Рашели оторвал взгляд от фотографий:

– Мы сделаем всё от нас зависящее.

– Всё от вас зависящее или нет – всё равно, – произнесла Ливия Кантос холодно. – В итоге важно лишь одно: ваше расследование должно увенчаться успехом. Мы полагаемся на вас. – Она слегка поклонилась всем присутствующим. – И на этом я позволю себе распрощаться. Я рассчитываю на ваше содействие.

Без дальнейших разговоров она повернулась на каблуках и покинула салон. Джеймс поспешил ей вслед, чтобы проводить к выходу, но это было излишне.

Барон упал на стул и громко вздохнул, заметно переутомлённый этим визитом. За другим концом стола стояла его мать. Опираясь на свою трость, она направилась к одному из высоких окон. Погружённая в свои размышления, баронесса поглядела на улицу.

Рашель взяла в руки фотографии и, схватив Фейта за руку, повлекла его за собой вон из салона, в другую комнату. Она была очень возбуждена, но прилагала немалые усилия, чтобы не подать виду. Фейт уставился на неё подозрительно:

– Что с тобой такое?

– Вот эту, – сказала Рашель и указала на черноволосую девочку в полосатых лосинах, – вот эту я знаю.

Глава пятнадцатая

Старик, некогда бывший богом, странствовал по пустошам своего творения.

Здесь, в ночных убежищах, в Стране Забвения, царила вечная мгла. Иногда над беззвёздным небом полыхало северное сияние, но на самом деле за ним скрывались остатки библиомантики, высвободившейся во время войны и с той поры больше никогда не подвергавшейся контролю. Часто сверкала молния, рассыпая во все стороны дюжины световых жилок, как если бы сама чернота разлеталась на куски. Громовые раскаты могли разорвать старику барабанные перепонки, даже если буря бушевала далеко за горизонтом. Близь и даль смешивались в ночных убежищах самым причудливым образом. Приметы терялись на растрескавшемся ландшафте из гранита и пыли, как будто каждое следующее мгновение складывало из руин этой скалистой пустыни новые странные структуры.

Черты лица Зибенштерна стали угрюмыми, выглядел он ещё более удручённо и подавленно, чем в начале своего изгнания, белые волосы доходили ему до лопаток. Из-за бурь и ветров он собрал их в хвост и засунул под воротник своего чёрного плаща. Полы плаща ободрались об острые камни, между которыми он блуждал изо дня в день, но всё ещё защищали его от пронизывающего ветра и дождя. Плащ был его достоянием, дороже, чем посох пилигрима и круглая фляга, которую он регулярно наполнял водой в грязноватых промоинах в предгорьях. К тошноте, томившей его после питья, он уже привык, как и к скудному рациону из грибов и горьких корешков, которые он иногда находил в ложбинах. Время от времени ему удавалось поймать тощего кролика, которого он поджаривал с приправами из трав, росших в скалистых нишах и несколько напоминавших базилик. Это были счастливые дни. Но выпадали и такие, когда он голодал, спрашивая себя, к чему вообще передвигать ноги, ведь цели у него давно уже не было.

В начале ссылки тщеславие гнало его добраться до границ этой местности. Ещё в бытность свою Северином Розенкрейцем он сотворил мир библиомантики, написав его на бумаге. Тогда он предоставил членам «Алого зала» полномочия самим изобрести убежища. И по злой иронии судьбы он обречён теперь проводить последние дни в наикошмарнейшем из этих мест. Страна Забвения получила своё название, являя собой окаменевшее отчаяние – могила ураганов, дождя и смерчей пыли. И ещё – одиночества.

С тех пор как его отправили в ссылку, на пути ему не встретила ни одна живая душа. Иногда ему казалось, будто он различает голоса, призрачные беседы в трещинах гранита. Временами он просыпался от криков, но существовали они только в его снах. Его предназначенный для непогоды спальный мешок защищал от влаги, но никак не от собственной совести.

Многие простились с жизнью в ночных убежищах с тех пор, как библиоманты десятилетия назад были втянуты в войну. Заносчивость и гордыня ввергли их во множество опустошительных сражений, одно ужаснее другого. Они били врага, ни разу не встретившись с ним лицом к лицу; они уничтожили армию чернильных поганок, так и не узнав, кто был их кукловодом. Конечно, немногие избранные были в курсе. Чтобы обезопасить Санктуарий, они передвигали по Стране Забвения свои армии, словно фигуры по шахматной доске, ни разу не выйдя на сцену в качестве истинных полководцев. В этой войне не было победителей, но побеждённых – без числа.

И на Зибенштерне лежала вина за это – за каждого погибшего, за всю боль, за все страдания. Уже тогда библиомантические силы его оставили; они исчезли со всеми теми, чьё возникновение и распад он наблюдал в течение более чем двух веков своей жизни. О том, что творилось в ночных убежищах, он знал и только глубже зарывался в свои книги на вилле Анжелосанто в Турине. Он обманывал сам себя, предав свои идеалы. Происходящее его более не касается, убеждал он себя. Его творение давным-давно обрело самостоятельность, и теперь им

управляли другие. Ответственность несут три семейства, а не он. Так из творца он сделался молчаливым наблюдателем. И, когда позднее у него появился шанс вмешаться и провести итоговую черту, ему помешала она.

Фурия Саламандра Ферфакс.

Она и её соратники отправили его, бессильного и сломленного, в изгнание, и он принял это наказание. Столько людей поплатилось своей жизнью, и только потому, что ему однажды не хватило силы воли. Справедливость восторжествовала: теперь он сам скитался по этой глухомани словно призрак. Большую часть своей долгой жизни он провёл в одиночестве, в одиночестве и умрёт. Где-нибудь среди этих утёсов, наверное, не от голода и не от жажды, но именно здесь его ждёт конец. Может быть, ещё не сегодня или завтра, может быть, только через месяц или год. Но времени здесь больше не существовало: ни светлого дня, ни отчётливого звёздного неба. В рюкзак, который ему дали с собой, он сунул механические часы и с тех пор скрупулёзно следил, чтобы они не остановились, ведь движение стрелок, как это не парадоксально, было единственным символом постоянства в его жизни.

В старом бункере, выдолбленном в скале, он нашёл оружие и амуницию и теперь всегда носил с собой пистолет и ружьё, хотя это было смешно. Ни воином, ни охотником он никогда не был, но оружие ему пригодилось, чтобы отстреливать кроликов, мясо которых было главным украшением его скудных трапез. Кролики питались теми же травами, что и он, и оттого были такими же слабыми. Завелись ли они здесь после создания ночных убежищ или их сюда занесли библиоманты, он не знал. Но, размножившись, кролики служили пищей, судя по всему, не одному Зибенштерну. Иногда он натёкался на объедки – обглоданные кости или разорванную шкурку, и тогда ему становилось ясно: по этой пустыне скитались и другие, возможно, более выносливые, но такие же, как и он, изгнанники.

Когда его часы показывали время отхода ко сну, он отыскивал лаз в пещере или расщелине. Иной раз он брлся ножом или умывался, экономно вспенивая жидкое мыло из пластиковой бутылочки, припрятанной в рюкзаке. Ещё ему сунули плитку шоколада. Вероятно, это сделала Фурия, но к шоколаду он до сих пор не притронулся, приберегая его для особого случая. Он решил его съесть, добравшись до окраин Страны Забвения или же до границы собственной жизни, если у него достанет на это сил. Но сегодня – правда, что означало это «сегодня», не было ли оно тем же, что и «вчера»? – его ночлег будет куда уютнее, чем какая-нибудь сырая дыра в скале или расселина, кишашая мокрицами.

Тёмный силуэт башни он завидел ещё издали – чёрный монумент войне на фоне вздрагивающих на краю мира молний. Некогда в стране, лишённой всяких ориентиров, библиоманты попытались наметить хотя бы какие-нибудь вехи, выстроив целую цепь маяков. Их сигнальные огни давно погасли, горелки остыли. Зибенштерн оставил позади уже пять подобных башен, решив однажды кочевать от одной к другой. Когда-нибудь он окажется перед последней, поняв, что край поля брани достигнут и за пределами его лежит лишь неизвестность.

Пять предыдущих башен лежали в развалинах, после набегов из ночных убежищ, шестую едва зацепило. Хотя дверь сорвало, а внутри некогда бушевал пожар, внешние стены огонь не повредил. На всех четырёх этажах царила гулкая пустота.

Зибенштерн прикорнул наверху, прямо под подставкой, где некогда горел сигнальный огонь. Давно уже он не спал так крепко! Пробудившись, перекусил кое-чем из своих запасов и чуть не впал в искушение отломить кусочек от плитки шоколада. Но всё же сунул его обратно в рюкзак, ведь странник не рассчитывал, что такой прекрасный день, как этот, когда-либо наступит, и кто знает, не настанет ли потом ещё более удачный.

Ночь, такая же тёмная, как остальные, не желала кончаться. За стенами стонал ветер, донося до Зибенштейна запах сажи, напоминающий жаркое, настоящее сытное мясо, а не жёсткие волокна крольчатины. Он наконец встал, чтобы умыться в одной из водяных скважин у

подножия башни, но решил ещё разок добраться до верха, к самым зубцам, и всмотреться во мрак своего мира.

И там он сделал открытие.

На горизонте подрагивал огонёк, может быть, свет точно такой же башни. Он вглядывался в даль так долго, пока не убедился, что видит дрожащее пламя, пусть даже это и было игрой воображения.

После он перевёл взгляд, скользя поверх лабиринта суровых ущелий и каньонов, где всё сливалось в единую чёрно-серую массу.

Там светили другие огни, намного мельче, чем первый, – прерывающаяся цепочка тлеющих точек.

Он с силой выдохнул и на шаг отпрянул от парапета.

Огни приближались.

Часть вторая

Поток сквозь тысячу книг

Глава первая

– А в Изиде они ошибаются! – Фурия стояла перед могилой своих родителей и смотрела на каменную стелу у заросшего прямоугольника. – Не пойму, как они могут о ней так думать?

Надпись гласила: «Кассандра Ферфакс», а чуть пониже: «Тиберий Ферфакс». В имени отца буквы были неровными: предпоследняя «К» выглядела так, словно её высекли на поверхности остриём шпата. Шесть месяцев назад, гравировав литеры с помощью библиомантики, Фурия ещё не набила руку.

Кладбище располагалось в дальнем конце парка, позади резиденции, в нескольких шагах от ограждения из подлеска и деревьев, на востоке отделявшего имение от диких холмов. Захоронения находились недалеко от часовни с воротами, створки которых давным-давно болтались на сломанных петлях. Внутри часовни, покосившись, висела фигурка однорукого Иисуса на кресте; второй его рукой сытно пообедали жуки-древоточцы, так что остатки руки отвалились от фигурки и рассыпались в труху.

На противоположном конце парка возвышалась усадьба Ферфаксов, сегодня – пристанище почти восьмидесяти экслибров, бежавших сюда из Леса мёртвых книг. Резиденция представляла собой трёхэтажное сооружение с заострёнными верхушками крыши, бесчисленными рядами каминных труб из красного кирпича и ржавым флюгером, переставшим вращаться уже много десятилетий назад. Голуби выписывали над имением широкие круги, и Фурия гадала, не сидела ли сейчас Кэт на одной из крыш, беседуя с птицами. Иногда, желая побыть одна, она забиралась наверх; так поступала и Фурия, её любимым местом был центральный фронтон с видом на запад. Оттуда открывался вид на долину с зелёными склонами и кустарниками, столь типичными для Котсуолдса.

– Просто не могу поверить, – пробормотала она и вперилась в пустоту, пробуравив взглядом могильный камень, – как будто Изиды не жила с нами, не боролась против Академии... – Фурия со вздохом перевела глаза со стелы на могилу, нагнулась и выполола сорняк. – Много отдала бы я за то, чтобы услышать ваш совет.

– Я могу тебе дать совет... – подала голос петушиная книга из кармана её штанов. Гибкая шея с хрустом вытянулась из помятой ткани.

– Тебя накормить?

– На кладбищах на меня нападает зверский аппетит... Все эти статуи святых на могилах...

Фурия чуть не забыла: любимым блюдом петушиной книги были образки. Она, пожалуй, привезёт парочку из Уинчкомба, чтобы доставить ей удовольствие. После всего, чего они натерпелись в Либрополисе, книга вполне заслужила угощение.

Фурия и сама была как оглушённая, хотя и пыталась не придавать своему состоянию значения. Не так-то скоро ей удастся отделаться от запаха обгоревших волос, превращавшего процедуру причёсывания в мучение. Видно, придётся попросить Кэт отрезать её обгоревшие пряди.

– Но посоветовать я хотела тебе совсем другое, – вернулась к теме сердечная книга.

Фурия посмотрела на безглазый клюв на кончике резиновой шеи: жёлтая поверхность его сверкала как отполированная. От боёв петушиных книг на задворках Либрополиса на нём

остались всякого рода рубцы и царапины. Крошечная книжица слыла отчаянной сорвиголовой. После их возвращения только вчера вечером Фурия изобразила на лице некое подобие улыбки.

– Чем больше ты твердишь о невинности Изиды, тем настойчивей впечатление, что убедить в этом ты стараешься прежде всего себя, – продолжала книга.

Уголки клюва книжки опустились.

– Чушь какая...

– Тогда послушай, что ты говоришь, – клюв потёрся о её свитер, – словно пытаешься развеять свои собственные сомнения.

– В Изиде я не сомневаюсь.

– Так ли это?

Фурия поджала губы. Чтобы их всех спасти, Изида пожертвовала собой – это очевидно. Правда, в деле имелась одна загвоздка: жертвовать собой так же мало походило на Изиду, как собирать цветы или печь пироги. Если бы раньше кто-нибудь спросил Фурию, на что Изида готова, чтобы предотвратить поражение, она бы ответила: «На всё». Слишком больших жертв для Изиды не существовало. И в этом заключалась одновременно её сила и слабость.

В одном Финниан был прав: Изидины путешествия в Лондон вызывали вопросы. Она отказывалась от провожатых, словно оберегая какую-то тайну, в которую никого не хотела посвящать.

– Если бы мы чуть-чуть побольше знали об этом Арбогасте! – пробормотала Фурия, снова обращаясь к могиле. Отец мог бы пролить свет на многие её вопросы.

– Аттик Арбогаст, – раздался голос за её спиной, – Изидин наставник. Но не только.

В нескольких шагах от неё, засунув руки в карманы ветровки, стоял седовласый мужчина. Он был одет в просторные штаны защитного цвета, под ветровкой на нём, как обычно, была ужасающе пёстрая гавайская рубашка, а на ноги он натянул резиновые сапоги, словно только что пожаловал с одной из ферм, раскинувшихся дальше к западу.

– Целестин! – Фурия кинулась к нему навстречу и обвила руками его тучное тело. Зажатая между ними петушиная книга заскулила. – Когда ты приехал?

– Пару минут назад. – Он неловко похлопал её по спине. – Я сразу же выехал, как только... – Целестин оборвал себя на полуслове, чтобы снова продолжить: – Кэт позвонила мне и всё рассказала (после побега из Либрополиса Кэт некоторое время скрывалась у Целестина, и с тех пор между ними царил полное взаимопонимание).

Фурия отступила на шаг:

– Я не хотела бросать Изиду, но она...

– Настояла на этом, – перебил он её, кивая. – Я слышал.

– А Кэт рассказывала тебе, что она... то есть, что Изида добровольно осталась с Арбогастом?

– Я знаю, так рассуждают другие. Но моя дочь не предательница.

– Конечно нет! – Возмущение Фурии шло от души, но впервые она подумала, что, может быть, петушиная книга права. Уверенность её пошла трещинами, как каменные плиты над старыми могилами кладбища.

Вид у Целестина был подавленный. Венки его седин, обрамлявших лысину, беспорядочно метался на холодном ветру.

– Кэт говорит, что, по мнению остальных, Изида переметнулась обратно к Академии. Этой версии, видимо, придерживаются Финниан, Ариэль и скорее большинство экслибров.

– Так хорошо, как мы, они Изиду не знают, и она...

– Все её знают, – возразил он. – Она уже полгода живёт с ними под одной крышей!

Фурия промолчала, потому что в ответ ничего путного ей в голову не приходило.

– А как насчёт тебя? – поинтересовался Целестин. – Ты в это веришь?

– Нет! – вырвалось у Фурии слишком поспешно, словно она только такого вопроса и ждала, чтобы возразить. – Но было бы проще, будь я в состоянии понять, что, собственно, произошло.

– Ты спрашивала об Арбогасте.

– Откуда у него такая большая власть над Изидой?

– Не знаю, правильно ли называть это «властью». – Целестин засунул руки обратно в карманы ветровки. – Но она долго находилась под его влиянием. Можно даже сказать, что Арбогаст сделал из Изиды то, что она представляет собой сегодня.

– Она была его ученицей, но это никак не объясняет того, что случилось в Либрополисе.

– Ты ведь знаешь, что мы с Изидой надолго отделились друг от друга... – Целестин смущённо потупился. – После того как я привёз её из ночных убежищ в Лондон в послевоенные годы, я едва ли был самим собой. Она тебе наверняка об этом рассказывала?

– Совсем немного.

– Изиде было года четыре, когда я взял её к себе. Точно никто не знал, мы могли лишь приблизительно определить её возраст. Ребёнку нужны внимание и защита, и вначале я думал, что смогу ей всё это дать. Я удочерил её и стал заботиться о ней, но одновременно чувствовал – и с каждым днём всё отчётливее, – что домой привёз не её одну. За мной по пятам шла война. Вот здесь, понимаешь? – Он ткнул себя в лоб, словно там всё ещё бушевали сражения минувших лет. – И избавиться от этого не представлялось никакой возможности. Вот тогда я и решил распрощаться с библиомантикой: выбросил все книги, очистил помещения, раздал мебель. Я хотел отказаться от прошлого, всё от себя оттолкнуть. Не Изиду, её – ни за что, но я боялся себя самого и боялся за неё.

– И тогда ты отправил её в интернат.

– Потому что был идиотом. Ей только исполнилось десять, и ей нужен был настоящий отец, а не бестолковый тупица, который не в состоянии избавиться от кошмаров войны и даже отказывается от своего библиомантического дара. Тогда-то я и начал сбывать книги постранично, потрошить их, причинять им боль, только чтобы библиомантика меня оставила в покое. Чтобы наконец, – он чуть помедлил, – наконец стать нормальным. Но, естественно, это всё лишь усугубило.

Изида поведала Фурии эту историю в общих чертах, окончив её на том, что Целестин перестал быть библиомантом, а сама Изида подпала под влияние Академии.

– В интернате к ней тянулись дети, сами глубоко закапывавшиеся в книги. Моя вина. Будь я с ней, вместо того чтобы бежать от самого себя, у неё в жизни было бы ещё что-то помимо книг. В четырнадцать её спросили, не хочет ли она поступить в лицей. В школу агентов Арбогаста. Кузницу кадров Академии.

– И она, конечно, согласилась.

Целестин утвердительно кивнул:

– Не заставил себя ждать и тот час, когда Арбогаст заметил, какой в ней дремлет талант. – На секунду он приостановился, словно мучительно вспоминая какие-то детали. Он стоял нахмурившись и массировал виски большими пальцами. – Иной раз подробности размышляются, словно утрачиваешь их.

Прежнее прошлое, где Изида ещё не была экслиброй, заменилось новым прошлым, созданным Фурией благодаря её влиянию на Зибенштерна. Но Фурия об этом умолчала, чтобы не перебивать Целестина вторично.

– Арбогаст взял её и ещё горстку других под крыло, сделав своими личными учениками. Обучение смогли закончить только трое: Изида и два молодых человека. Она была сильнее их и превратилась в того агента, с которым ты в итоге познакомилась. Арбогаст хитроумно добился её верности, став для Изиды тем, чем больше не был я – отцом. Он лицемер, присвоивший себе сердца этих детей. Показать Академии спину и присоединиться к вам – поступок гораздо

более мужественный, чем ты способна себе представить. Всё равно что для наркомана принять решение сняться с иглы. И всё шло хорошо, пока она снова не подверглась искушению. Пока Арбогаст её не нашёл.

Фурия испуганно на него уставилась:

– Стало быть, даже ты считаешь, что она опять на его стороне? Что его влияние на неё так велико?

– Нет. Я доверяю ей. С тех пор она очень изменилась. Но она в большой опасности.

– А что она делала в Лондоне? Каждый раз, когда она ездила туда в одиночестве, она не брала никого из нас. Наши считают, что она уже тогда поддерживала связь с Арбогастом.

Целестин горько усмехнулся, и в глазах его заблестели слезы.

– Она гостила у меня. Начала опять обставлять пустые помещения в доме, как было, пока я всё не раздал. Заказала мебель, накупила кучу книг, просто чтобы заполнить полки. Много стало, как прежде, или, по крайней мере, так казалось. Теперь это снова уютный дом, а не тюрьма прошлого.

– Она старалась для тебя?

– И для меня тоже. Но я думаю, у неё что-то иное на уме. Став экслиброй, она постоянно ищет свою юность, своё детство, все те вещи, о которых она сохранила лишь расплывчатые воспоминания. Из страха, что всё это исчезнет и что она в конце концов окажется лишь персонажем из сказки Зибенштерна, без черт той личности, какой она была. Она цепляется за свои исчезающие воспоминания, за всё человеческое в ней. – Ему пришлось ненадолго отвернуться от Фурии, и он молча уставился в пустоту. После этого он снова продолжил: – Поэтому она ни с кем этим не делилась. Не хотела, чтобы кто-нибудь из вас узнал и истолковал всё как слабость. Это тоже всходы Арбогастовой науки: нельзя никому показывать слабость, даже тем, кого считаешь своими друзьями.

«И в этом Арбогаст, возможно, недалёк от истины», – подумала Фурия с тоской. Ничего себе друзья: при первом же подозрении поворачиваются к тебе спиной. Провозглашают тебя предателем только за то, что ты предпочитаешь не распространяться о вещах, которые других не касаются. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы дрожащим голосом задать следующий вопрос:

– А ты знаешь, чего Арбогаст от неё хотел? Он сказал, что ему нужна её помощь. Пустая отговорка или это он серьёзно?

Целестин опять посмотрел ей в глаза, может, потому, что в тот миг видел в ней свою единственную союзницу.

– Какое-то дело у него, безусловно, было, иначе он не преминул бы наказать её за предательство. Ходят слухи о борьбе за власть между тремя семействами, о желании Кантосов верховодить и об их стремлении оттеснить остальные два рода. Но всё это – только сплетни, и я не знаю, есть ли вообще здесь что-либо истинное. Сейчас произошло столько перемен. В мире библиомантики раскол.

– Мы видели чернильных поганок, – произнесла Фурия задумчиво, – между страницами мира, на пути из Либрополиса сюда. Всё кишело поганками, пытавшимися на нас напасть.

Взор Целестина потемнел, как ночное убежище, откуда он однажды насилу унёс ноги. Его губы хотели прошептать «поганки». Но он не выдавил из себя ни звука.

– Так, значит, это правда. Что-то готовится, Фурия. И гораздо более ужасное, чем мы думаем.

Стало зябко, словно ветер поменял направление и дул теперь в долину с севера.

– Фурия, прошу тебя, – произнёс Целестин срывающимся голосом, – обещай, что поможешь Изиде! Обещай доказать её невиновность.

Глава вторая

Они молча направились к площади перед кладбищем. Там они обнялись на прощание, и Целестин, усевшись в свой древний «воксхолл»¹⁶, неровно заскользил к выезду. Машина исчезла за кустами, но ещё долго с извилистых просёлочных дорог, ведущих в Оксфорд, до Фурии доносился распространяющийся по долине гул мотора.

На круглой площадке перед домом пахло краской. Фурия сделала глубокий вдох: она любила этот запах. Строительные леса, возведённые кем-то из экслибров, чтобы заново покрасить фасад, теперь, минуя подъездную лестницу, переместились влево. Правая стена уже сияла свежим лимонным цветом. Но надолго их этим не займёшь, и Ариэль уже несколько недель ломал себе голову.

Для резиденции трудовой подъём экслибров был настоящим благом. Они привели в порядок множество ванных комнат, почти во всём доме отремонтировали отопление, заменили пару разбитых окон и настелили новую кровлю. В отсеках, в течение нескольких поколений стоявших нежилыми, они вымели паутину, скопившуюся за десятки лет, заменили поломанную мебель с чердака на новую и позаботились о том, чтобы из кранов опять потекла чистая вода, а не бульон из ржавчины. В целом резиденция походила теперь не на потерпевшее кораблекрушение судно, а только на слегка подбитый чёлн, готовый в следующий раз, пусть и со скрипом, но пересечь океан.

Две экслибры ожидали прибавления семейства. Скоро по коридорам опять забегают дети и будут ввязываться в приключения, как несколько лет назад Фурия с Пипом. Здесь, в долине, впервые за долгое время экслибры опять почувствовали себя в безопасности. Даже закоренелые пессимисты постепенно приучались к мысли о том, что, возможно, это укрытие им обещает хорошее будущее.

Но среди экслибров были и такие, которые повернулись к братьям-бардам спиной, чтобы начать новую жизнь за пределами убежищ. Каждый месяц некоторые из них отправлялись на поиски счастья подальше от всякой библиомантики. Остальные могли лишь надеяться, что никто из отколовшихся не угодит в лапы Академии и не выдаст расположение их укрытия.

Один из маляров помахал Фурии рукой. Фавн, напоминавший Пака, но немного моложе и со шкурой цвета кошули. В резиденции имелась всего горстка неантропоморфных¹⁷ экслибров, и большинство из них Фурия предпочитала экслибрам из реалистических романов. Она ответила на приветствие, вымучила на губах улыбку и поплелась через двор, к отбитой каменной голове святой Виборады. В своё время статуя покровительницы букинистов стояла перед усадьбой на Рейне, в родовом поместье семейства Розенкрейцев. В девятнадцатом веке, во время бегства от палачей Академии в Англию, выжившие члены семьи захватили Вибораду с собой и установили её перед крыльцом резиденции. Отсюда она охраняла дом, пока кавалеры Интриги не сбросили её с пьедестала и не разбили. Теперь разрозненные куски её корпуса лежали у фасада и ожидали, когда порастут мхом и диким виноградом. Голову же святой Фурия распорядилась отнести обратно к крыльцу. Оттуда взирала она теперь остановившимся взглядом на площадку.

¹⁶ «Воксхолл» – марка британского легкового автомобиля.

¹⁷ Антропоморфный – наделённый человеческими чертами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.